

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

ВОСТОК: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Серия основана в 2009 г.

Редакционная коллегия

В. В. Наумкин (председатель, главный редактор),
В. М. Алпатов, В. Я. Белокреницкий, Э. В. Молодякова,
И. В. Зайцев, И. Д. Звягельская

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**С. Н. Утургаури,
Н. Ю. Ульченко**

ТУРГУТ ОЗАЛ — ПРЕМЬЕР И ПРЕЗИДЕНТ ТУРЦИИ

Москва
2009

ББК 66.2(5Ту)

У 84

У 51

Ответственный редактор — И. В. Зайцев

У 84 **Утургаури С. Н., Ульченко Н. Ю.**

У 51 Тургут Озал — премьер и президент Турции. —
М.: Институт востоковедения РАН, 2009. 128 с.
ISBN 978-5-89282-394-4

Книга знакомит с основными вехами жизни и деятельности Тургута Озала — премьера и президента Турецкой Республики, с которым связан новый этап политического и социально-экономического развития страны. Некоторые исследователи видят в нем второго по значению после Ататюрка государственного деятеля. В 80-е годы XX века Тургут Озал сумел вывести Турцию из глубокого экономического кризиса, положив начало новым тенденциям и направлениям в общественно-политической жизни страны.

Книга открывает серию изданий Института востоковедения РАН — «Восток: исторические портреты».

ББК 66.2(5Ту)

ISBN 978-5-89282-394-4

© Утургаури С. Н.,
Ульченко Н. Ю., 2009

© Институт
востоковедения РАН, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
I. ПУТЬ В ПОЛИТИКУ	11
II. НА ВЕРШИНЕ ОЛИМПА	37
III. ПОЛИТЭКОНОМИЯ ПО ОЗАЛУ	73
ПРИЛОЖЕНИЕ. <i>А.Д. Кныш. Мусульманский мистицизм. М.—СПб., 2004, с. 253–268</i>	115
SUMMARY	127

CONTENTS

PREFACE.....	7
I. THE WAY TO POLITICS.....	11
II. AT THE TOP OF OLIMPUS.....	37
III. POLITICAL ECONOMY BY OZAL.....	73
APPENDIX. <i>A.D. Knish. Islamic Mysticism.</i> <i>M.—SPb., 2004, p. 253– 268</i>	115
SUMMARY	127

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монографией о выдающемся турецком политическом деятеле Тургуте Озале Институт востоковедения РАН открывает новую серию публикаций под общим названием «Восток: исторические портреты». Труды этого жанра хорошо известного как в отечественной и мировой научной исторической литературе, так в литературе научно-популярной и художественной, посвящены личностям, сыгравшим особо значительную роль в истории обществ и государств. За последние два десятилетия отечественная историческая наука освободилась от оков долго довлевшего над ней подхода, в рамках которого роль личности рассматривалась как заведомо вторичная по сравнению с системными, «структурными», или «объективными» факторами исторического процесса (исключение составлял сталинский период, когда для оправдания культа вождя требовалось возвеличивать те или иные персонажи исторического прошлого). Теперь отдельные отечественные историки стали пересматривать прежние концепции в русле пока еще непривычного подхода, предполагающего, что крутые повороты в истории обществ и государств гораздо в большей степени, чем думалось ранее, зависят от действий правителей, государственных, политических и религиозных деятелей. Действий, выбор которых в немалой мере определяется не только рациональными политическими расчетами, но и характерологическими качествами лидеров и даже их настроением, причем это справедливо не только для тех систем, в которых процесс принятия решений монополизирован одним человеком или группой людей. Такой

подход помогает объяснить исторические события, возникновение которых трудно свести к социально-экономическим, социально-политическим или иным системным причинам. Однако он порождает и новые вопросы, на которые этот «антропологистский» подход неспособен ответить. Например: был ли выход на политическую арену людей, сумевших изменить мир, исторической закономерностью или в этом сказались также их личные качества, а возможно и фактор случайности? Аналогичный процесс повышения внимания к роли личности происходил в последнее время и в отечественной политологии, что связано с влиянием одной из школ западной науки, считающей важнейшим фактором мировой политики human agency, то есть все ту же роль лидера. Подобный дискурс характерен и для такого относительного нового направления в исторической науке, как интеллектуальная история, в рамках которого понимание исторического процесса представляется обусловленным сконструированными историками логическими понятиями.

Так или иначе, но публичный интерес к крупнейшим фигурам отечественной и мировой истории в последние годы неизменно растет, что усиливает потребность в работах жанра политических или исторических портретов. При этом если труды, посвященные крупнейшим государственным, политическим и религиозным деятелям в истории России и стран Запада, сегодня исчисляются сотнями, то исследования о лидерах стран Востока немногочисленны. Этот пробел и призвана восполнить наша серия. Она не случайно открывается книгой о политическом лидере современной Турции, который снискал репутацию «отца турецкого экономического чуда». Конечно, для одних Озал прежде всего — инженер турецких рыночных реформ, для других — инициатор неоднозначно оцениваемых мер по сближению с государствами и народами тюркоязычного мира. Публикуемая книга, так же как и все последующие работы в этой серии, как раз и представят лидеров стран Востока во всей палитре цветов, со всей

многозначностью их идей, поступков и политических акций. Авторы на страницах своих работ расскажут и о личных качествах этих ярких людей, оставивших заметный след в истории своих народов. Надеемся, что книги серии найдут отклик в широких кругах читателей.

Директор Института востоковедения РАН
профессор **В. В. Наумкин**

I. ПУТЬ В ПОЛИТИКУ

Тургут Озал принадлежал к поколению молодых политиков-технократов, сформировавшемуся в 1960–1970-х годах. С его именем связан новый этап в политическом и социально-экономическом развитии Турции. По определению некоторых турецких исследователей, в историю Республики он вошел как второй по значению, после Кемаля Ататюрка, государственный деятель.

Родился Озал 21 (по другим данным 13) октября 1927 г. в городе Малатья (Центральная Анатолия). Время было трудное. Всего четыре года миновало после окончания национально-освободительной войны и установления на развалинах шестивековой теократической монархии национально-буржуазной республики. Семья мелкого чиновника местного отделения Земельного банка Мехмета Садык-бея и учительницы начальных классов Хафизе-ханым, в которой родился первенец, жила скромно. Оба, и Садык-бей и Хафизе-ханым, происходили из небогатых семей.

Садык-бей — человек спокойный и тихий, интересы которого не выходили за пределы работы и дома, закончил лишь медресе, правда, по настоянию жены потом он еще посещал начальную школу. Хафизе-ханым была из рода алевитов (ветвь шиизма), проживающих на юго-востоке Турции, в регионе, традиционно считающимся курдским. (Впоследствии Тургут Озал никогда не отрицал своих курдских корней.) К полученному начальному образованию Хафизе-ханым добавила учебу на специальных курсах и стала учительницей начальных классов. Стремление республиканской власти ликвидировать

неграмотность населения требовало расширения корпуса школьных учителей, овладевших новой письменностью (переход с арабского алфавита на латинский был осуществлен в 1929 г.). Хафизе-ханым — сторонница проводимых реформ и почитательница Мустафы Кемаля — была одной из первых женщин Малатьи, сменивших мусульманскую одежду на платье с коротким рукавом и платок на шляпку. Словом, представляла собой передовую женщину постреволюционной кемалистской Турции. К тому же, несмотря на юный возраст, она сумела стать авторитетом в семье. Сыновья — Тургут и последовавшие за ним Коркут и Юсуф — беспрекословно ей подчинялись.

В те годы практиковалась ротация чиновников. Садык-бея перевели в город Селифке, района Сёгут — историческое место, откуда в XIII в. пошел род Османа, ставшего основоположником империи. Здесь родился младший из братьев Юсуф, а старший — Тургут закончил начальную школу. В эту пору Тургутом завладела мечта стать военным летчиком. И, вероятно, стал, если бы не печальный случай. Однажды, возвращаясь с родителями и их друзьями с пикника, Тургут упал с ослика и сломал руку. Усилиями родителей и врачей руку со сложным открытым переломом удалось спасти, но она стала заметно короче. С мечтой об авиации пришлось расстаться. После Селифке семья жила в Мардине и Кайсери, сохраняя дом в Малатье. Вот так, переезжая из города в город, меняя школу за школой, Тургут закончил среднюю школу в Мардине, а лицей в Кайсери.

В 1945 г. Тургут впервые приехал в Стамбул, чтобы подать документы сразу в три высших учебных заведения: в Стамбульский университет, на кафедру политических наук, в Стамбульский технический университет и в Высшее педагогическое училище. Выдержав вступительные экзамены во все три вуза, Тургут выбрал технический университет, весьма престижный в то время. Год спустя к нему присоединился брат Коркут. Выходцы из малообеспеченной семьи и успевающие

студенты, братья учились за государственный счет. Жили в общежитии, получали стипендию. Свободное время коротали, как все студенты, не отказывая себе в удовольствиях юности. Аллаха вспоминали, по пятницам ходили в мечеть, глубоко верующими не были. Но зато проявляли активность в общественной жизни. Например, создали «Клуб знакомства со Стамбулом выходцев из Анатолии», участвовали в разгроме 5 декабря 1945 г. редакции левой газеты «Тан», которую издавал известный журналист Зекерия Сертель. В апреле 1950 г. братья принимали участие в похоронах маршала Февзи Чакмака, сподвижника Мустафы Кемаля, начальника Генерального штаба с 1922 по 1944 гг. В день похорон они организовали акцию протеста перед Домом радио из-за того, что руководство радиовещания не удосужилось изменить программу передач, потом они вместе с другими несли от мечети Бейязит до кладбища Эйюб Султан гроб знаменитого военачальника, депутата парламента от оппозиционной Демократической партии.

Одновременно с Озалом на старших курсах Стамбульского технического университета учились Сулейман Демирель и Неджметтин Эрбакан (все трое впоследствии станут лидерами крупнейших политических партий страны). На одном курсе с Тургутом Озалом учился брат Сулеймана Демиреля Шевкет Демирель. Эти факты необходимо иметь в виду, потому что они сыграют не последнюю роль в политической карьере Озала.

В 1950 г. Озал получил диплом инженера-электротехника и (как учившийся за государственный счет) обязан был три года отработать по распределению. Так он оказался в Анкаре в Государственном управлении по электрификации (Elektrik İşleri Etüd Idaresi). Здесь в течение нескольких лет Озал участвовал в разработке крупных проектов ГЭС и плотин в восточных районах страны. Коркут с дипломом инженера-строителя был направлен в Эрегли в Управление водного хозяйства (Devlet Su Idaresi), где уже работал Сулейман

Демирель. Позже Стамбульский технический университет закончил и младший из братьев Юсуф, а также их двоюродный брат Хюсюн Доган и будущие видные политики Эрдем Пакдемирли и Курджебе Алптемучин. Все они войдут в команду Озала, когда тот серьезно займется политикой.

Тем временем деятельная Хафизе-ханым решила (Садыкбей к тому времени уже ушел из жизни), что настала пора женить старшего сына. Ее выбор пал на Айхан, дочь бухгалтера муниципалитета Малатьи. Сын не посмел воспротивиться воле матери. Молодых поженили. Однако Айхан, женщина вполне европеизированная, через несколько дней вернулась в родительский дом (причину биографы Озала не указывают). Стараниями родственников и друзей беглянку вернули, но вскоре она снова ушла, на этот раз навсегда. Об Айхан известно, что она окончила фармакологический факультет и имела собственную аптеку в стамбульском районе Фенербахче.

Вскоре после этой неудавшейся женитьбы в управлении, где работал Озал, появилась молоденькая машинистка по имени Семра Йейинмен. Ее родители, мастер-сварщик Управления морских дорог и домашняя хозяйка, отправили дочь из Стамбула в развивающуюся столицу с надеждой, что там она скорее найдет свое счастье. Сослуживцы познакомили Семру с Тургутом. Небольшого роста толстячок с укороченной рукой, в очках, явно пренебрегающий своим внешним видом, поначалу не понравился девушке. Но потом, поняв, что он незаурядный, деловитый человек и узнав его веселый, добрый и спокойный нрав, она приняла предложение, и в 1954 г. Семра и Тургут поженились. Брак оказался счастливым. Он продлится тридцать девять лет. Семра оставила работу до того, как на свет появилась дочь Зейнеп, которая против воли родителей вторично выйдет замуж за ударника музыкальной группы. Пресса навсегда закрепит за мужем дочери прозвище «барабанщик» (davulcu). Правда, благодаря активности и предприимчивости жены «барабанщик»

превратится в совладельца сети магазинов высокой моды. Вслед за Зейнеп появится Ахмет. Он будет активным помощником отца, за Ахметом родится Эфе, который, как и брат, закончив учебу в США, тоже окажется полезным отцовскому делу.

Руководство Государственного управления по электрификации, увидев в Озале перспективного работника, решило командировать его на стажировку в США. В 50-е годы Турция была страной небогатой. Многих товаров не было, и молодая жена попросила мужа купить для нее кое-что из одежды, а также только что вошедшее в моду нейлоновое белье. Годы спустя Озал, смеясь, рассказывал, какие муки ему пришлось претерпеть в самолете, сгорая от жары из-за напаянных на себя слоев этих нейлоновых вещей (очевидно, запрещенных для ввоза в Турцию), от которых только после паспортного и таможенного контроля он смог избавиться в туалете стамбульского аэропорта. Подобного рода эпизоды, поведенные самим Тургуттом Озалом, свидетельствовали о его раскованности, чувстве юмора и способности к самоиронии, что очень пригодилось ему впоследствии при общении с народом.

В Америке Озал узнал много нового по специальности и усовершенствовал свой английский язык. Он познакомился с государственным устройством и социально-политической системой страны, ее культурой, обзавелся широким кругом знакомых, которых в будущем будет умело использовать в разных целях, и навсегда сохранит чувство восхищения этой страной. Вернувшись в Турцию, Озал продолжил службу в управлении, постоянно размышляя над тем, что из увиденного в Америке можно применить в работе. Жалованье Озала было небольшим, семья жила скромно, прислугу держать не могла, одеваться как следует тоже. Но в доме царил мир и порядок, правила Семра. Озал, привыкший с детства подчиняться материнскому диктату, принимал ее верховенство как должное. Независимость, твердость и требователь-

ность он проявит позже, когда на него ляжет ответственность за судьбу государства.

В наши дни уже ни для кого не секрет, что Озал был членом религиозного братства накшибенди, одного из самых распространенных и богатых тарикатов в Турции. Однако мало кому известно, как это случилось. Одни биографы опрометчиво предполагают, что причина кроется в давней религиозности семьи. Другие предусмотрительно не касаются этого факта, хотя он сыграл немаловажную роль не столько в жизни самого Озала, сколько в реанимации ислама в Турции через поддержку традиций религиозности турецкого общества, серьезно ослабленных многолетней атеистической политической государственной власти.

Более достоверным представляется мнение Эмина Чольашана, известного журналиста и публициста, автора серии книг о событиях, связанных с Озалом, а также его биографии, изложенной не без легкой иронии и очень популярной в Турции. По версии Чольашана, не кто иной, как средний брат Коркут, «произвел в семье революционный переворот», во всяком случае оказал серьезное влияние на ее «религиозный курс». Как уже говорилось, по окончании университета Коркут работал в Управлении водного хозяйства в Эрегли, оттуда в 1957 г. молодой и способный инженер (все братья Озалы оказались способными и трудолюбивыми), подобно старшему брату, был послан стажером в США. К этому времени Коркут был женат и вел вполне светский образ жизни. Вместе с женой Мюжган часто посещал рестораны, бары, любил модные европейские танцы, не отказывался от крепких напитков. Словом, был склонен к европейскому образу жизни. Местом его командировки оказался город Солт-Лейк-Сити в штате Юта. Штат знаменит тем, что его населяют в основном мормоны — члены церкви, основанной в Америке в 1830 г. неким Джоном Смитом (1805–1844). Одна из главных заповедей мормонов состоит в том, чтобы как можно больше людей завлечь в лоно своей церкви. Коркут на себе испытал

их безграничное внимание и желание завладеть его душой и сердцем. Именно здесь, в Солт-Лейк-Сити, с Коркутом произошла метаморфоза. Мормоном он не стал, нет, но подметил некоторое сходство мормонства с мусульманством: жесткий запрет на наркотики и крепкие напитки (мормоны не пьют даже чая и кофе); дозволенность многоженства, чему, правда, мормоны не могут следовать по причине американских законов; непереносимое ежемесячное пожертвование общине 10% от своих доходов (что-то вроде мусульманского закята). Не ускользнул от Коркута и тот немалозначительный факт, что среди мормонов много весьма богатых и влиятельных персон Америки. Эти открытия побудили Коркута изучить веру собственного народа. Дело кончилось тем, что в Турцию он вернулся глубокообразованным правоверным мусульманином, прихватившим с собой одну из полезных заповедей мормонов, которая гласит, что для распространения и укрепления веры необходимо стать богатой и влиятельной личностью. Коркут успешно реализует эту заповедь и передаст ее старшему брату, который тоже, в определенный период своей жизни, будет беспроблемно ей следовать.

В конце 1950-х годов школьная учительница начала кемалистской эпохи Хафизе-ханым сменила шляпку на платок, из алевита превратилась в суннита и вместе с сыном Коркутом и невесткой Мюжган вошла в тайное суфийское братство накшибенди. Вскоре к ним присоединился и Тургут. Что касается своенравной Семры, то муж даже не решился предложить ей следовать за ним. Позже членом братства стал и младший из братьев Юсуф.

Приверженцы братства накшибенди проходят обязательное посвящение (талкин), во время которого дают клятву следовать по пути к Богу. Помимо традиционных исламских обрядов, ежедневно читают дополнительные молитвы, часто представляющие собой повторение одной и той же фразы, каждую неделю, а также по случаю праздников и похорон совершают специальную религиозную церемонию. Члены

братства обязаны вносить до третьей части своих доходов в фонд общины (оттого она очень богатая). Им свойственно чувство долга и взаимовыручки. Преемственность иерархии внутри тариката осуществляется по родственной линии¹. Члены тариката высоко чтят своего шейха. В годы, когда Тургут Озал примкнул к тарикату, шейхом был Абдулазиз-эфенди. Его резиденция находилась по-прежнему в стамбульской мечети Зейрек, то есть там, где и была в XV в. первая в Турции мечеть тариката. После смерти Абдулазиза главой братства стал шейх из Бурсы Мехмет Захит Котку.

Мехмет Захит Котку (1897–1980) родился в Бурсе в семье переселенцев с Кавказа. Юношей он был призван в армию (началась Первая мировая война), военную службу проходил в Стамбуле. Там вступил в тарикат. К 27 годам уже стал заместителем шейха — халифе и в этом качестве служил имамом во многих мечетях Анатолии. После запрета тарикатов в 1925 г. Котку вернулся в Бурсу и занял освободившееся со смертью отца место имама в одной из близлежащих деревень. В 1952 г. с намерением возглавить тарикат Котку вновь отправился в Стамбул, где некоторое время служил в мечетях разных районов, а в октябре 1958 г. возглавил тарикат. Официально вплоть до самой смерти он числился имамом мечети Искендер-паши, откуда происходит другое название турецкой ветви накшибенди — «община Искендер-паши»². Котку перенес резиденцию в одну из мечетей стамбульского района Фатих. Туда часто приходили еще никому не известные братья Озалы, чтобы послушать проповеди шейха и получить его благословение. Молодым интеллигентным инженерам Котку уделял особое внимание. Между ними установились дружеские отношения. Случалось, что глава тариката сам носил визиты братьям и подолгу с ними беседовал.

Стоит ли удивляться тому, что когда Котку хазретлери (так атрибутируется статус достигшего самой высокой ступени в религиозной иерархии) умер, его с почетом похоронили во дворе стамбульской мечети Сулеймание, где покоится

прах знаменитого турецкого султана Сулеймана Законодателя (Kanuni), в годы правления которого (1520–1566) была возведена эта мечеть. Считается, что это один из лучших памятников архитектуры времен Османской империи, сотворенный гением великого турецкого зодчего Синана. Известно, что захоронение в этом месте возможно лишь при наличии правительственного разрешения. Очевидно, что решение было. Но до сих пор остается тайной, кем оно подписано. Возможно, бывшим тогда премьер-министром Демирелем, тоже не лишенным религиозных наклонностей. Соккрытие подписи можно связать лишь с тем, что тарикаты, запрещенные кемалистской властью, и в это время еще оставались под запретом. В 1987 г. умерла Хафизе-ханым, в отличие от мужа увидевшая сына на посту премьер-министра страны. Ее могила находится неподалеку от могилы Котку хазретлери. В этом случае известно, что распоряжение о захоронении подписал президент Республики Турции ататюркист Кенан Эврен.

Тургут Озал был в дружеских отношениях и с Эсадом Джосаном (1938–2001), высокообразованным человеком, следующим духовным лидером накшибенди. Эсад Джосан — зять Котку и внук шейха Дийа ад-дина Гюмюшханеви (ум. в 1894 г.), главы накшибендийского братства второй половины XIX в. Детство и юность Эсад Джосан провел в Чанаккеле, затем окончил отделение истории исламского искусства факультета арабской и персидской филологии Стамбульского университета. Научную карьеру начал в 1960 г. ассистентом на кафедре классических турецких религиозных рукописей (факультет богословия Анкарского университета), получил звание профессора. В 1978 г. вышел на пенсию и стал проповедником в мечети Искендер-паши³.

После государственного переворота в 1980 г., когда поддержку властей получили вакфы (фонды), Эсад Джосан создал в Анкаре фонд «Хакйол» («Праведный путь»), который, как убедительно доказывает исследователь П.В. Шлыков, «является типичным фондом тариката». Таким образом, тарикаты,

после многолетнего пребывания в подполье, получили возможность возродиться под видом вакфов, не вступая в противоречие с соответствующим законом. Первоначально члены «Хакйол» задумывали строительство четырех социально-религиозных центров в Стамбуле и Анатолии и создание при каждом из них богатых библиотек. Сегодня у «Хакйол» тридцать два действующих центра, которые связаны с братством накшибенди не только духовно, но юридически и финансово. Кроме того, фонд располагает двумя центрами религиозных исследований в Стамбуле и Анкаре, колледжем, пятнадцатью студенческими клубами, выделяет пятьсот стипендий учащимся вузов. На средства фонда издаются журналы, в том числе журнал «Ислам», проповедующий идеи братства накшибенди, где Джосан печатался под псевдонимом Халиль Неджатиоглу. «Хакйол» имеет связи с арабскими финансовыми организациями. Они часто оказывают прямую и косвенную поддержку фонду⁴.

Сам Тургут Озал предпочитал обходить молчанием вопрос своей принадлежности к братству накшибенди, но нередко с гордостью повторял, что он человек «с избытком религиозный». Среди своих духовных наставников Озал называл муфтия Стамбула Шериф-бея Гюзельязиджи, бывшего преподавателя богословия Стамбульского университета Йесари Асыма Эрсою, изгнанного оттуда кемалистами во время чисток 1933 г., но никогда не называл ни одного члена тариката накшибенди. Зато Озал признавал немалое влияние, оказанное на него и его близких проповедниками из центральной мечети района Фатих, общеизвестного центра накшибендийской общины⁵. О том, что на протяжении многих лет Озал поддерживал тесные связи с Котку и другими лидерами тариката, свидетельствуют его брат Коркут, бывшие сокурсники, а также политические деятели, лично связанные с братством — Реджаи Кутан, Неджметтин Эрбакан, Хасан Джеляль Гюзель и др.⁶

Об «избыточной религиозности» Озала говорит и тот факт, что он, по собственному признанию, трижды совершал хадж. При этом надо иметь в виду, что религиозность Озала никогда не мешала ему воспринимать новое, быть открытым для достижений западной цивилизации, особенно в сфере экономики.

В 1959 г. Озала — сотрудника Государственного управления по электрификации, офицера запаса, призвали в армию и направили на переподготовку в артиллерийское училище. По окончании училища Озал продолжил военную службу в аналитическом управлении Генерального штаба и одновременно вел курс математики в училище, где среди учеников был призванный в армию годом позже офицер запаса Сулейман Демирель. Озал преподавал тот же предмет и в Средневосточном техническом университете, здесь его студентом был Эмин Чольшан, журналист, будущий автор книг о Тургуте Озале. В это же время начальником училища был полковник, отличавшийся пристрастием к пространным наставлениям курсантам, стоявшим в строю. Имя этого полковника — Кенан Эврен. Естественно, никто из названных лиц тогда не мог предположить, что годы спустя их пути сойдутся в весьма сложное для страны и лично для них время.

В мае 1960 г., когда Озал находился на военной службе, произошел государственный переворот, завершивший ожесточенную политическую борьбу предыдущих лет. В своей книге «Турция в Европе» («La Turquie en Europe»), которая вышла в 1988 г. в Париже и представляет собой критический обзор экономической истории Турции, Озал оценивает это событие как «результат поляризации политических сил, борющихся за власть в стране»⁷. Пройдет время, и он включится в такую же борьбу, только при других исторических обстоятельствах. В результате переворота была свергнута Демократическая партия, остававшаяся у власти в течение десяти лет (1950–1960), положившая начало зре многопартийной системы в Турции и приоткрывшая двери исламу.

В сентябре 1960 г. по инициативе временного правительства — его возглавил генерал Джемаль Гюрсель — была учреждена Государственная плановая организация (Devlet Planlama Teşkilatı), однако специалистов, способных справиться с задачами, стоящими перед новой организацией, было очень мало. Тогда вспомнили о технократах. В результате — Озал и Демирель оказались в одном кабинете. Хотя учились они в одном университете, были членами одной — Демократической партии и почти одновременно проходили военную службу, сблизились они только теперь. Может показаться неправомерным частое упоминание Демиреля, но это объясняется просто — именно Демирель откроет Озалу путь в большую политику и будет способствовать его продвижению.

В год учреждения Государственной плановой организации началась активная подготовка по созданию на обломках свергнутой военными Демократической партии, новой политической организации — Партии справедливости (Adalet Partisi). Озал находился в гуще событий, даже участвовал в разработке устава партии, поскольку с юношеских лет, подобно большинству студентов-однокашников, симпатизировал либеральным правоцентристским идеям, которых придерживалась сначала Демократическая партия, а следом за ней и создаваемая Партия справедливости (ПС). В 1962 г. на первом ее конгрессе Демирель был избран членом Руководящего совета и заместителем председателя партии. В 1964 г. после смерти партийного лидера, отставного генерала Рагиба Гюмюшпала, Демирель избирается руководителем партии. На парламентских выборах 1965 г. его партия одерживает ошеломляющую победу, и Демирель становится премьер-министром⁸. Перед Озалом открываются радужные перспективы. Демирель вводит его в правление Эреглийского металлургического комбината (Eregli Demir-Çelik Tesisatı) и делает своим советником по экономическим вопросам, а в 1967 г. назначает руководителем Государственной плановой организации.

Работа в этой организации позволила Озалу детально ознакомиться с финансовыми и экономическими проблемами государства. После удачно проведенной в 1970 г. девальвации турецкой лиры и некоторых других мер по укреплению финансовой системы страны имя Тургута Озала обрело известность в финансовых и деловых кругах не только Турции, но и западных государств, где его характеризовали как «прагматика, обладающего острым пронизательным интеллектом»⁹.

Тем временем в Турции вновь нарастал политический хаос. К столкновениям между рабочими, студентами, с одной стороны, и полицией, войсками — с другой, добавились кровавые стычки правых и левых экстремистов на улицах и в студенческих общежитиях. Началось брожение среди офицеров, недовольных политикой Демиреля. В этой ситуации военные вновь решились на вторжение в политическую жизнь страны. 13 марта 1971 г., после обнародования по радио меморандума, власть перешла в руки военных. Правительству Демиреля пришлось уйти в отставку. Формирование нового кабинета министров было поручено Нихату Эриму¹⁰. Эрим на должность советника по экономическим вопросам пригласил Атилла Караосманоглу, профессора, сотрудника Всемирного банка. Озалу предложили должность консультанта при премьер-министре, что означало понижение. В ответ Озал оставил службу и уехал с семьей в США, где у него были хорошие связи. Благодаря Роднею Вагнеру (с ним Озал близко сошелся, когда тот, будучи сотрудником ЦРУ, находился в Анкаре в качестве представителя Организации американской помощи) Озал получил место руководителя отдела Всемирного банка. Вслед за ним в Вашингтон приехал его младший брат Юсуф, который также стал сотрудником этого банка. Сын Ахмет, закончив учебу в Америке, попал на работу в Международный валютный фонд. Потом он станет консультантом премьер-министра Турции, то есть своего отца, и директором Стамбульского отделения американского «Экспресс-банка».

В конце 1973 г. Вашингтон посетил один из самых богатых людей Турции, миллиардер Сахып Сабанджи. Он предложил Озалу пост координатора своего холдинга. Озал согласился, вернулся в Турцию и некоторое время работал на Сабанджи. Одновременно возглавил отдел инвестиций Средиземноморского банка, что позволило ему основательно улучшить материальное положение. Озал восстановил связи с тарикатом, начал ходить в мечеть и как прежде встречаться с Котку хазретлери.

В середине 1970-х годов Тургут Озал перешел на работу к Зеки Айтачу, богатому измирскому бизнесмену, связанному с братством накшибенди. Айтач вкладывал деньги, Озал предлагал и реализовывал идеи. Став совладельцем нескольких фирм Айтача, Озал обзавелся и собственными фирмами, бизнес явно удавался ему. Созданная им в 1975 г. компания SİLM с уставным капиталом в 300 тыс. лир имела довольно широкий спектр деятельности: экспорт, импорт, консультации вкладчиков и предпринимателей-промышленников, различные услуги местным и иностранным фирмам, аналитические разработки, юридическое обеспечение. В числе пайщиков значились члены накшибенди: Зеки Айтач (на него в этот период работал Озал), Ирфан Акча, Эрол Аксай (в 1983 г. Т. Озал выдвинет его кандидатуру в депутаты парламента, но Совет национальной безопасности не пропустит), Яшар Тунагюр, Семра-ханым, ее брат Мехмет Йейинмен, родственник Хамди Бояджи, а также Акгюн Албайрак, заведующий канцелярией Озала, когда тот был главой Государственной плановой организации, и Ильяс Налбанд — персональный шофер, обслуживающий Озала в то время.

В следующем году Озал зарегистрировал Акционерное общество, которое называлось «Эгейская металлургическая промышленность» («Ege Metal Sanayii A.Ş.»). Его уставной капитал составлял сумму уже более солидную — 15 млн. лир. Партнерами и на сей раз были члены тариката Зеки Айтач, Экрем Пакдемирли, Хамди Бояджи, Ирфан Акча. Общество

являлось дилером по оборудованию, предназначенному для производства, монтажа и установки металлоконструкций. В 1979 г. Озал создает фирму «Özban Otomotiv Metal A.Ş.», которая занимается оптовой торговлей, экспортом, импортом машин и разными коммерческими услугами. На сей раз Озал получает поддержку автопроизводителей Вехби Коча, выпускающего легковую машину «Мурат», Кямиля Языджи, производящего автомобиль «Шкода», мотоцикл «Ява» и др. Группу пайщиков составили: кроме самого Озала, его жена Семра-ханым, сын Ахмет, друг Акгюн Албайрак (в будущем выдвигенец Озала — депутат парламента), Яшар Бюкюльмез и снова Ильяс Налбанд¹¹.

Способность соединять людей на первый взгляд несовместимых по убеждениям, социальному положению, этнической принадлежности (турок, грек, армянин) Озал проявит и впредь, когда объединит в своей партии все четыре основные политические направления страны. Столь гибкому принципу «подбора кадров» Озал будет следовать всегда. Параллельно с работой в бизнесе в 1975–1979 гг. Озал входил в число учредителей двух происламских фондов — Фонда национальной культуры и Фонда просвещения. В них состояли и другие приверженцы религиозных взглядов, например, будущий глава стамбульской организации партии Озала Эймен Топбаш, крупные промышленники Сабри и Асым Улькеры. Одной из задач фондов было распространение влияния тариката на молодежь через оказание материальной помощи способным студентам, приезжавшим на учебу в город.

В этот же период Озал возглавил самую мощную в стране Ассоциацию работодателей — производителей металлоизделий — MESS. Защищая ее интересы, Озал допускал чрезмерную жесткость по отношению к рабочим. Случалось, что предприниматели считали необходимым увеличить оплату труда, а Озал категорически возражал, аргументируя свой отказ возможной инфляцией. Известно высказывание на этот счет Вехби Коча: «Этот человек, — сказал миллиардер, — слишком

круто берет. Когда-нибудь он обрушит беду на наши головы, рабочие взорвутся»¹². Тем не менее Озал быстро завоевал доверие и симпатию предпринимателей благодаря незаурядным аналитическим способностям, умению видеть перспективы и давать правильные советы. Круг связей Озала с деловым миром Турции заметно расширился. Теперь он снова стал подумывать о большой политике, путь в которую у него уже дважды срывался.

Еще в 1975 г. Альпарслан Тюркеш — лидер Партии националистического движения (Milliyetçi Hareket Partisi) — предложил Озалу баллотироваться на промежуточных выборах в сенаторы от Стамбула. Озал согласился, но произошла неувязка, и на это место был избран профессор Реджеп Доксат. Озал огорчился, но вида не подал (он умел сдерживать эмоции) и отношения с Тюркешем не испортил. Два года спустя Озал ждал предложения участвовать в выборах от Партии справедливости, но ее лидер Демирель, проведая, что Озал ведет переговоры по этому вопросу с лидером исламистской Партии национального спасения (Milli Selamet Partisi) Неджметтином Эрбаканом, отказался от своего намерения.

На всеобщих выборах Озал баллотировался в депутаты от Измира по списку Партии национального спасения (ПНС). Выступая с предвыборной речью на одной из измирских радиостанций 27 мая 1977 г. (на телевидении такой практики еще не было), Озал обещал ускорить индустриализацию силами частного сектора, т. е. фактически пропагандировал импортозамещающую концепцию ПНС. Он также обещал заняться благоустройством городов, обеспечить малоимущих горожан дешевым жильем с помощью кредита, причем беспроцентного (ссудный процент запрещен в исламе). Основным избирателям ПНС — крестьянам, без улучшения жизни которых невозможно процветание страны, — он говорил о необходимости механизации сельского хозяйства, «сбалансированной ценовой политики» в отношении сельскохозяйственной продукции, о предоставлении опять-таки беспроцентных кредитов.

Предвыборную речь Озал завершил призывом к Аллаху помочь «верующей» ПНС¹³, под флагом которой только и возможно провести вышеперечисленные меры и улучшить жизнь населения. Пространная речь Озала, произнесенная эмоционально и доходчиво, не имела ничего общего с его реальными взглядами, она содержала основные принципы экономической программы ПНС. Экономические реформы Озала будут полной противоположностью его измирской речи, а проявленные им прагматизм и конформизм будут способствовать одновременно реализации реформ и продвижению самого Озала.

Чуждый измирцам Озал проиграл выборы 1977 г. Яшару Тунагюру, недавно освобожденному из тюремного заключения, куда его отправили военные после переворота 13 марта 1971 г. за пропаганду идей шариата (свод правовых мусульманских норм). Озал снова огорчился, но, как оказалось, напрасно. Его биографы справедливо полагают, что если бы в 1977 г. Озал одержал победу, то после переворота 1980 г. он не стал бы ни советником премьер-министра Демиреля, ни помощником премьер-министра Улусу, и вообще не исключено, что ему пришлось бы поставить крест на своей политической карьере как представителю запрещенной партии. Однако проигрыш обернулся выигрышем. Получилось, как по поговорке: нет худа без добра.

Наступил 1979 год. На предстоящих выборах нужно было избрать тридцать сенаторов и пять депутатов парламента на места выбывших по той или иной причине. Победу одержала Партия справедливости. Демирелю поручили сформировать правительство. Поскольку сформировать однопартийное правительство не удавалось, Демирелю пришлось создать блок с партиями Эрбакана и Тюркеша. Перед кабинетом министров стояли две нелегких задачи: остановить анархию, террор и спасти экономику. К концу 1970-х годов Турция находилась на грани гиперинфляции в сочетании с падением производства и угрозой массовой безработицы, уровень которой достигал почти 20%. Причина заключалась в экономическом курсе

правительства, ориентированном на импортозамещающую модель, то есть стимулирование внутреннего рынка, производство традиционно импортируемой продукции, при том, что страна не имела собственных источников сырья, включая нефть. Какое-то время экономику спасали иностранные займы, но когда они иссякли. Турция скатилась до уровня отсталой страны с замкнутой на себе экономикой.

В 1979 г. МВФ, учитывая военно-политические факторы (ввод советских войск в Афганистан, исламская революция в Иране и потеря там военных баз Соединенными Штатами), принял решение о финансовой поддержке турецкой экономики. Условием предоставления Турции солидного кредита было принятие ею пакета экономических мер, составленных по рекомендации МВФ. К тому же Турция обязывалась убрать все препоны на пути рыночных законов, отказаться от импортозамещающей модели, функционирующей при прочной опоре на государство, в пользу либеральной модели с товарно-рыночным регулированием и тесным взаимодействием с мировым рынком на основе экспорториентированной индустриализации¹⁴.

Перед властью встал вопрос, кому поручить руководство этой программой. Дискутировали несколько дней, обсудили разные кандидатуры. К согласию не пришли. В это время, возможно случайно, в Анкару приехал Озал. Он встретился с Демирелем. В итоге их продолжительного разговора премьер убедился, что кандидатуры лучше Озала на выполнение этой сложнейшей задачи не найти, так как у него большой опыт работы в финансово-экономическом и деловом секторах, хорошие отношения с Тюркешем и Эрбаканом, надежные связи во Всемирном банке и Международном валютном фонде, брат — депутат парламента от Партии национального спасения, в прошлом министр сельского хозяйства (1974–1977) и министр внутренних дел (1977–1978).

Демирель предложил Озалу снова должность руководителя Государственной плановой организации. Озал отказался.

Он хотел бы совместить этот пост с какой-либо другой должностью, например советника премьер-министра по экономическим вопросам. Демирель не был сторонником совмещений, но предложение Озала скрепя сердце принял. Озал вернулся в Стамбул, урегулировал свои дела: ликвидировал фирму «Özban Otomotiv Metal A.Ş.», отказался от руководства Ассоциацией MESS, что несколько не огорчило представителей частного сектора, а скорее, наоборот, обрадовало, потому что экономикой впредь будет руководить «их человек».

3 декабря 1979 г. Озал приступил к работе. Он начал с того, что изменил кадровый состав Государственной плановой организации. Теперь в ней преобладали не юристы, а технократы правого толка, некоторые даже и весьма набожные. По воспоминаниям сослуживцев, в строго определенное время в коридорах организации появлялись скромно одетые служащие с аккуратно подстриженными бородками, в сандалиях (takunya) на босу ногу, предназначенных для омовения перед намазом (в коридоре были установлены специальные краны для выполнения этого ритуала). Поэтому за чиновниками этой организации тех лет, включая самого Озала, закрепилось прозвище — «takunyalı» («такунщики»). Впоследствии именно они составят команду Озала, будут участвовать в создании его партии. Это Хасан Джеляль Гюзель, Кязым Оксай, Йылмаз Эргенекон, Мехмет Кечеджилер, Йылдырым Актюрк, Экрем Пакдемирли, родной брат Озала Юсуф и двоюродный брат Хюсню Доган¹⁵.

Что касается программы по стабилизации экономики, то она была подготовлена к концу декабря в соответствии с рекомендациями Международного валютного фонда. Ответственность за реализацию программы была возложена на Озала как советника по вопросам экономики при правительстве. Обсуждение программы намечалось на январь месяц. Но произошло чрезвычайное событие. Президенту республики Фахри Корутюрку было вручено письмо, подписанное начальником Генерального штаба генералом Кенаном

Эвреном (тем самым полковником из артиллерийского училища) и командующими родами войск. Генералы предупреждали, что вмешаются в жизнь страны, если правительство в кратчайший срок не наведет должный порядок. Неизвестно, каким образом письмо попало в руки журналиста Джонета Джеласуна и было без промедления опубликовано в газетах. Турецкое общество всполошилось, памятуя о последствиях узурпирования власти военными в марте 1971 г. Обсуждение программы пришлось отложить. Лишь когда волнения улеглись, Демирель внес программу на рассмотрение кабинета министров. Жесткие меры по стабилизации экономики вызвали острую дискуссию. Озал уверенно доказывал необходимость этих мер, Демирель последовательно поддерживал Озала. Наконец, 24 января 1980 г. стабилизационная программа была принята. В историю она вошла как «Программа 24 января».

Озал стал популярной личностью, опередив в этом своего брата Коркута — депутата парламента от партии Национального спасения и дважды занимавшего пост министра. Газеты называли Озала «архитектором новой экономики». По результатам проведенной в начале 1982 г. анкеты он был признан Человеком года (и в последующие годы это неизменно повторялось)¹⁶.

Между тем анархия и террор продолжали усиливаться. Активизировалась деятельность Партии национального действия Тюркеша. Подготовленные в специальных лагерях его «серые волки» расправлялись с неугодными партии людьми. Жертвами стали ученые, журналисты, писатели. Террор ежедневно уносил жизни более двадцати человек. По числу политических убийств Турция заняла первое место в мире. Парламент в течение нескольких месяцев не мог избрать президента (хотя срок полномочий Фахри Корутюрка закончился). Напряжение в стране нарастало. 12 сентября 1980 г. вооруженные силы взяли власть в свои руки. Совет национальной безопасности во главе с начальником Генерального

штаба генералом армии Кенаном Эвренем отстранил от власти правительство, распустил парламент, приостановил деятельность всех политических партий и многих профсоюзов, арестовал лидеров главных политических партий Демиреля, Тюркеша, Эрбакана и Эджевита. В стране объявили чрезвычайное положение. Репрессии, последовавшие за переворотом, коснулись и левых сил. В тюремных застенках оказалось более 120 тыс., 25 человек были казнены, несколько тысяч — эмигрировало, в их числе лидер Рабочей партии Турции — социолог, профессор Анкарского университета Бехидже Боран. (В 1983 г. Б. Боран, лишенная турецкого гражданства, скончалась в Брюсселе, но похоронена была в Турции со всеми почестями, положенными депутату Великого национального собрания.) В результате чистки, проведенной в университетах, уволенными оказались 300 человек.

Озал узнал о перевороте от сотрудника Государственной плановой организации Тевфика Эртюрка, который позвонил ему в два часа ночи. Вслед за Эртюрком позвонил один из госминистров и посоветовал Озалу связаться с Демирелем. Озал звонил по всем телефонам Демиреля, пока не понял, что телефоны главы государства отключены. Уверенный в том, что лично ему ничто не грозит, Озал спокойно проспал до утра. Уже на следующий день военные пригласили Озала, поскольку понимали: отсутствие Озала в правительстве военных поставит под угрозу проведение «Программы 24 января», а значит, дело обернется задержкой кредитов, чего никак нельзя было допустить. Утром за Озалом заехала машина и доставила его в здание правительства. Там Озала ждал секретарь СНБ генерал Хайдар Салтык. Генерал, убедившись, что Озал готов сотрудничать с новой властью, пригласил его на совещание к Эврону, фактическому главе государства. На совещании выяснилось, что военные согласны продолжить экономический курс правительства Демиреля. Как справиться с террором и анархией, они знали, но как стабилизировать экономику, не ведали. Требовалась помощь профессионала.

Надежды возлагались на Озала, и он был согласен приступить к работе.

По окончании совещания Озал встретил госминистра Экрема Джейлуна, который сказал, что Демирель находится за городом в Хамзакёйе и объяснил, как туда звонить. Озал связался с премьером и спросил его совета, как реагировать на предложение военных о сотрудничестве (словно еще не дал согласия). Демирель ответил, что «надо, не колеблясь, согласиться и работать на пользу родины»¹⁷.

14 сентября Озала пригласили к Эврену. Во время затянувшейся беседы Озал без стеснения выставил свои условия: назначить его помощником премьер-министра по всем экономическим вопросам и министром финансов. Затем он зашел к генералу Салтыку (став президентом, Озал назначит генерала послом в Швейцарии), которому высказал возмущение по поводу ареста лидеров четырех партий и назначения премьер-министром лидера Партии республиканского доверия (Cumhuriyet Güven Partisi) Турхана Фейзиоглу, в то время как эти обязанности мог бы исполнять кто-либо из военных, например отставной адмирал Бюлент Улусу. Эту «подковерную акцию» Озал завершил телефонным звонком шефу Европейского отделения Международного валютного фонда. Изложил ему положение дел и попросил содействия в публикации информации о намерении нового правительства не отступать от реализации «Программы 24 января». Озал понимал, что такого рода заверение необходимо для того, чтобы в новых условиях продолжить сотрудничество с международными финансовыми организациями, без денежного вливания которых Турция не сможет выбраться из экономического хаоса. По прошествии нескольких дней нужная публикация появилась в «Ресми газете», а несимпатичный Озалу (правда, взаимно) Фейзиоглу был смещен и премьер-министром назначен Бюлент Улусу, который был предупрежден о том, что все экономические вопросы должны оставаться в ведении Озала — помощника премьера по экономике. Портфеля

министра финансов Озал не получил, но по его настоянию на эту должность был назначен Кайя Эрдем, широко известный в зарубежных кругах и ничем не запятанный в Турции опытный финансист. 11 октября четыре партийных лидера были отпущены. Приведенные факты свидетельствуют о том, что, добиваясь своей цели, Озал мог применять весьма гибкую тактику.

Озал позвонил Демирелю, чтобы поздравить его с освобождением. Их жены Семра-ханым и Назмие-ханым возобновили общение. Озал еще не раз звонил Демирелю, чтобы поздравить его и его семью с праздником. Но однажды, если верить публицисту Чольашану, глава правительства Улусу предложил Озалу прервать всякое общение с опальным политиком. Озал не стал возражать премьеру. Бывшие друзья увидятся лишь десять лет спустя, в 1991 г., когда Озал станет президентом, а Демирель — премьер-министром, а до того, особенно в предвыборное время, будут общаться через посредников.

Озал со свойственной ему методичностью и упорством продолжал реализацию «Программы 24 января». Однако некоторые военные не одобряли экономическую политику Озала. Его решили сместить, о чем Озалу стало известно. Не нравилась военным и работа министра финансов Эрдема. Озал понимал, что атмосфера вокруг него сгущается. А тут еще банковский кризис, вызванный финансовыми махинациями, теперь уже всем известными пирамидами. Они стали возможны благодаря широкой рекламе, поддержке правительства, может, и лично Озала¹⁸. Практическое проведение «Программы 24 января» было прервано в середине 1982 г. финансовым скандалом. Естественно, крах финансовых пирамид, среди вкладчиков которых имелись и военные, дискредитировал экономическую политику, проводимую Озалом. В июле 1982 г. был смещен с должности ставленник Озала министр финансов Кайя Эрдем. Не дожидаясь той же уча-

сти, Озал сам подал прошение об отставке и, не дожидаясь ответной реакции, покинул Анкару.¹⁹

Эврен, получив доклад комиссии по расследованию «банковского дела», счел, что обсудить его следует после выборов в парламент, назначенных на 1983 г. Но осуществить это намерение президенту не удалось. Покинув Анкару, Озал направился в Сиде, где у него был летний дом. Пробыв там некоторое время, вместе с женой он улетел в США, подальше от критики в свой адрес, заполнившей прессу, а также с целью поправить здоровье и проконсультироваться по вопросам политики. Врачи-турки и американские медики посоветовали Озалу пройти полное обследование. 15 декабря 1982 г. он уже находился в хьюстонском госпитале. В обследовании участвовали светила, среди них всемирно известный кардиохирург Дебейки. Выяснили: Озал страдает гипертонической болезнью, отеком конечностей, к тому же обнаружались следы перенесенного на ногах инфаркта. Первое, что необходимо было сделать — сбавить вес под строгим наблюдением врачей. Этим и занялись. Одновременно Озал встречался с «нужными людьми»: директором Всемирного банка, старым другом Роднеем Вагнером (теперь он — высокопоставленный чиновник компании «I.P. Morgan»), влиятельными сотрудниками из Международного валютного фонда и консультировался чрезвычайно плодотворно с профессионалами-имиджмейкерами. От них Озал получил массу полезных советов относительно своего внешнего вида, которому, как уже говорилось, не уделял должного внимания. Советы касались прически, формы усов, модели очков, фирм-изготовителей костюмов, сорочек, галстуков и пр. Кроме того, вырабатывались манеры выступлений перед разными социальными группами и общение на людях с супругой; Семре-ханым, кстати, посоветовали заняться каким-либо общественно полезным делом.

Было ясно — Озал твердо решил идти в большую политику.

- 1 Историю тариката накшибенди в Турции см. в Приложении.
- 2 Зиганшина Г. М. Роль религиозных орденов Турции в исламском движении 80–90-х годов. — Современная Турция: проблемы и решения. М., 2006, с. 110.
- 3 Зиганшина Г. М. Роль религиозных орденов Турции..., с. 111.
- 4 Шлыков П. В. Парадоксы возрождения вакфов в современной Турции. — Современная Турция: проблемы и решения. М., 2006, с. 67–99.
- 5 Зиганшина Г. М. Ислам в общественно-политической жизни Турции. Москва — Бишкек, 2007, с. 71–72.
- 6 Birand, Mehmet Ali; Yalçın, Söner. The Özal: Bir Davanın Öyküsü. İst., 2001, s. 51–53.
- 7 Цит. по: Вдовиченко Д. И. Тургут Озал. — Вопросы истории, 1944, № 4, с. 48.
- 8 Еремеев Д. Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М., 2005, с. 126–128.
- 9 Вдовиченко В. Д. Тургут Озал..., с. 48.
- 10 Подробно см.: Еремеев Д. Е. Турция в годы..., с. 185–192.
- 11 Çölaşan E. Turgut nereden koşuyor? İst., 1989, 51 bas., s. 101–107.
- 12 Там же, с. 118.
- 13 Речь Озала полностью см.: Çölaşan E. Turgut nereden koşuyor? S. 94–99.
- 14 См.: Зиганшина Г.М. Ислам в общественно-политической..., с. 50.
- 15 Там же., s. 129.
- 16 Вдовиченко В. Д. Тургут Озал..., с. 52.
- 17 Çölaşan E. Turgut nereden..., s. 155.
- 18 Леонова Е. Опыт либерализации экономики в Турции. — Вопросы экономики, 1992, № 2, с. 179.

19 Биография Т. Озала приводится по следующим источникам:
Çölaşan E. Turgut nereden koşuyor?; Вдовиченко Д. И. Тургут
Озал. — Вопросы истории, 1994, № 4; Dođan Kutlay. Turgut Özal
Belgeseli. <http://www.bouk-find.com>; Dülger Sema. Dünden Bugüne
Devletin Zeirvesindekiler. Ist., 2007.

II. НА ВЕРШИНЕ ОЛИМПА

7 ноября 1982 г., когда Озал еще находился в Америке, в условиях жесткого контроля со стороны генералитета состоялся всенародный референдум по конституции. Ее проект был подготовлен специальной комиссией во главе с профессором Орханом Алдыкачты.

«Важной особенностью референдума было то, что в случае его положительного исхода глава государства, председатель Комитета национальной безопасности генерал Кенан Эврен автоматически становился президентом Турецкой Республики на предстоящие семь лет. Такое положение было внесено в раздел временных актов конституции. Оно также преследовало цель привлечь как можно больше людей к участию в референдуме: популярность Эврена была довольно высока благодаря тому, что военным удалось пресечь распространение террора»¹. В голосовании приняли участие 91,27% избирателей, из них 91,37% проголосовали «за» и только 8,63% — «против». Основное число несогласных пришлось на курдские районы², что неудивительно, поскольку закон, принятый всенародным волеизъявлением, по-прежнему не учитывал требований курдского народа.

Населению страны предложили новую конституцию, которая по своему содержанию была шагом назад от конституции 1961 г., отходом от многих ее либеральных положений, и без того ограниченных поправками 1971–1973 гг.³ Расширились полномочия президента в законодательной области, в исполнительной власти, в судебной системе. Были урезаны права профсоюзов: запрещены всеобщие забастовки,

забастовки солидарности, забастовки по политическим мотивам. Ограничивались права и свободы личности, свобода печати и возможности создания партий, фактически накладывался запрет на язык курдов. Если прежде этот запрет исходил от местных властей, то теперь он нашел место в Основном законе, который гласил: «никакой язык, кроме турецкого, не может преподаваться и изучаться в качестве родного языка»⁴.

Вслед за принятием конституции в апреле 1983 г. Совет национальной безопасности издал ряд законов о регламентации деятельности партий. Теперь для участия в парламенте партии необходимо было набрать не менее 10% голосов. Таким образом ликвидировалась возможность присутствия в парламенте мелких фракций, способных парализовывать работу парламента и формировать недееспособные коалиции, которые уже не раз приводили страну к политическим кризисам и военным переворотам. Кроме того — и это было чрезвычайно важно для предстоящих выборов — СНБ оговаривал себе право отбирать учредителей партий, распускать любую из них в случае неблагоприятного для военных исхода парламентских выборов еще до формирования правительства, а также отклонять нежелательных кандидатов в депутаты как выдвинутых партиями, так и независимых⁵.

Напомним, что до переворота наиболее крупными политическими организациями страны были: Партия справедливости Сулеймана Демиреля; Народно-республиканская партия (Cumhuriyet Halk Partisi) Бюлента Эджевита, Партия национального спасения (Milli Selamet Partisi) Неджметтина Эрбакана и Партия националистического движения (Milli Hareket Partisi) Альпарслана Тюркеша⁶.

Партия справедливости Демиреля представляла правоцентристское течение и выражала главным образом интересы крупных промышленников, торговцев и финансистов, связанных деловыми отношениями с Западом. Базу, на которую опиралась партия, составляла определенная часть крестьянства

и городской мелкой буржуазии. После семилетнего запрета ПС возобновит деятельность под новым названием Партия верного пути (Doğru Yol Partisi).

Народно-республиканская партия (НРП) Эджевита представляла умеренное социал-демократическое направление; ее целью было расширение политических прав и свобод, укрепление позиций госсектора, решение некоторых социально-экономических проблем трудового населения. Социальную базу НРП составляли интеллигенция, рабочие, городская и сельская мелкая буржуазия.

Партия национального спасения (ПНС) Эрбакана, воплощавшая клерикальное течение, возникла как аналог Партии национального порядка (Milli Nizam Partisi), запрещенной после государственного переворота 1971 г. ПНС подчеркивала свою приверженность свободе вероисповедания, утверждала идеал националистического государства, почитающего исламские ценности, преследовала цель обеспечить решающую роль ислама во всех сферах жизни общества. Она предлагала радикально переориентироваться с Запада на Восток, то есть повернуться лицом к соседним мусульманским странам, не оглядываясь на Европу и на христианский Европейский союз. Это была ярко выраженная исламистская партия, а ее сторонники — анатолийские крестьяне и мелкие предприниматели — составляли глубоко религиозную часть турецкого общества. В 1980 г. после государственного переворота партия снова была запрещена (впрочем, как и все политические партии) и снова заявила о себе семь лет спустя под названием Партия благоденствия (Refah Partisi), стала влиятельной политической силой и неизменно входила в состав коалиционных правительств.

Партия националистического движения (ПНД) — первая правонационалистическая партия в Турции, сформированная в конце 1960-х годов на базе Республиканской крестьянско-национальной партии по инициативе полковника в отставке, активного участника государственного переворота 1960 г.

Альпарслана Тюркеша. Идеология партии базировалась на мощном национализме в сочетании с исламом как «источниках силы турецкой нации». Социальную базу составляли шовинистически настроенные лица, главным образом из среды мелкой буржуазии. Особой симпатией партия пользовалась у шовинистически настроенной молодежи, объединенной внутривнутрипартийной группировкой «Серые волки» («*Voz Kurtlar*»), за которой числятся многие погромы и террористические акты. Уместно вспомнить Мехмета Али Агджа, покушавшегося 13 мая 1981 г. на папу римского Иоанна Павла II. К новой деятельности партия вернулась в 1987 г. под измененным названием Националистическая трудовая партия (НТП), но с тем же лидером и той же программой⁷. Все названные партии будут воссозданы (1987) под началом прежних лидеров, и Озалу так или иначе какое-то время придется с ними сотрудничать.

Озал, конечно, реально оценивал силу реанимирующегося исламского политического движения. Не случайно же он намеревался влиться в ряды членов высшего законодательного органа через Партию национального спасения и Партию националистического движения, прочно связанных с исламом. Понимал он и то, что национализм кемалистов без ислама со временем дал сбой, и теперь, когда страна навсегда рассталась с однопартийной системой, когда большая часть населения остается приверженной исламу, религию никак нельзя игнорировать ни в своих расчетах, ни в действиях. При «избыточной религиозности» Озалу было нетрудно применить это понимание на практике.

Генералы — члены Совета национальной безопасности тоже здраво оценивали ситуацию. Несмотря на то, что армия считается бастионом кемализма, вышедшие из ее рядов руководители государства — члены СНБ способствовали упрочению связи турецкого общества с исламом. Именно генералы ввели обязательное религиозное обучение в начальной и средней школе, сочтя, что «лучше уж контролируемое религиозное

обучение, чем угрожающая основам строя религиозная пропаганда». «Народ хочет, чтобы его дети изучали религию, — говорил Эврен. — Если государство не восполнит этот пробел через преподавание религии в государственных школах, эту функцию возьмут на себя тарикаты. А их религиозное образование — не что иное, как порождение взглядов, опасных для режима и государства. Если же государство обеспечит эту потребность населения в нужном ему виде, то, с одной стороны, ослабнет громадная роль тарикатов, а, с другой стороны, у населения пропадет к ним интерес»⁸. Можно, конечно, предположить, хотя и с большой осторожностью, что Эврен искренне верил в свои прогнозы, но время, к сожалению, их не подтвердило.

22 апреля 1983 г. Совет национальной безопасности принял новый закон о партиях. Все прежние лидеры и депутаты парламента лишались политических прав на 5–10 лет. Разрешалось создание новых партий. Подготовку к этому процессу на условиях нового закона и новой конституции предлагалось начать 24 апреля; подачу заявок в Министерство внутренних дел — 16 мая; избирательную кампанию — 25 августа (более трех месяцев СНБ отводил на тщательную проверку претендентов). К этому времени новым партиям надлежало сформировать свои отделения по меньшей мере в 34 илах. Выборы должны были состояться 6 ноября.

После определения всех формальных параметров, необходимых для проведения парламентских выборов, на политической арене Турции появилось 15 партий, две из них вскоре самораспустились, десяти отказали под разными предлогами, к участию в выборах допустили только три партии: Национал-демократическую партию (Milliyetçi Demokratik Partisi), созданную самим СНБ, Народническую партию (Halkçı Partisi) и Партию Отечества (Anavatan Partisi)*. Во главе Народно-демократической партии (НДП) был поставлен

* Дословно: Партия Родина-мать.

Тургут Сунальп, кадровый военный, генерал в отставке, бывший заместитель начальника Генерального штаба, командующий Эгейской армией. После выхода в отставку он занимал пост руководителя турецкого посольства в Канаде. В общем, человек свой для СНБ. На него, его партию и делали ставку военные.

В своих выступлениях Сунальп исходил из программы партии, выработанной в стенах СНБ. Он обещал согласовывать «национализм Ататюрка с демократией», соблюдать положения новой конституции, «выразившей волю народа», придерживаться «духа и философии 12 марта» 1971 г., «спасших государство от раздела, а турецкую нацию от раскола». Ратовал за частное предпринимательство, свободную конкуренцию, за сокращение госсектора, поощрение экспорта и приток иностранного капитала. Выдвигал идею воспитания молодежи в духе преданности «турецкому культурному национализму». Будущую Турцию видел в ряду «современных цивилизованных государств». Именно это выдвигалось как цель партии. В лаицизме (турецком варианте секуляризма) не усматривал враждебность к религии, но и религии предлагал не вмешиваться в государственные дела и в политику. В целом Сунальп транслировал программу, воплощавшую видение военными политического, социально-экономического и культурного развития Турции.

НДП имела мощную поддержку СНБ и лично его главы Эврена. Но это ей не помогло. Вопреки оптимистичным прогнозам, по итогам выборов партия Сунальпа вышла на третье место. Она получила всего 23,27% голосов и 71 место в парламенте.

Отсутствие четкой социальной базы у скороспелой, искусственной партии сразу же сказалось после отхода военных от непосредственного руководства страной. На местных выборах 1984 г. она получила лишь 7,1% голосов. Смена руководства (в 1985 г. генеральным председателем стал Улькю Сёйлемезоглу — депутат парламента, в прошлом чиновник)

положение не улучшило, и в мае 1986 г. партия приняла решение о самороспуске. Тут же на ее базе сформировалась Свободная демократическая партия (Hür Demokratik Partisi). Ее возглавил Мехмет Яшар — председатель торговых и промышленных палат. Однако и вторая попытка сохранить партию не увенчалась успехом. Инспирированная военными партия, которая задумывалась как правящая, сошла с политической сцены⁹.

Что касается Народнической партии (НП), в итоге поддержанной СНБ, то и ее судьбу удачной не назовешь. Лидер партии Неджет Джальп, выпускник двух факультетов Стамбульского университета — политических наук и юридического — занимал административные посты, в том числе губернатора илов Сиирт и Измир, исполнял обязанности личного секретаря генерала Джемалья Гюрселя (президента страны после го-сударственного переворота 1960 г.), а также обязанности помощника Бюлента Улуса (премьер-министра военного правительства, учрежденного после государственного переворота 1980 г.). Словом, был не чужим для СНБ человеком, к тому же с немалым опытом и широкими связями.

Выступая перед избирателями, Джальп подчеркивал, что основа его партии — социал-демократическая платформа и партия — сторонник свободной парламентской демократии, она защищает социальные и политические права трудящихся, опирается на шесть принципов кемализма, то есть на известные «шесть стрел»: республиканская форма правления, национализм, народничество, этатизм, лаицизм и реформизм. Одновременно Джальп утверждал необходимость взаимодействия частного и государственного секторов с участием «народного сектора» (мелких держателей акций государственных и частных предприятий), но непременно при руководящей роли государства, которому отводилась роль и организатора, и крупного предпринимателя. Военных устраивало присутствие на выборах лояльной социал-демократической оппозиции в лице НП¹⁰. Создавалась картина подлинно

демократических выборов: с одной стороны, Национал-демократическая партия — во многом близкая консервативной демирелевской Партии справедливости, запрещенной после 12 сентября 1980 г., с другой — социал-демократическая оппозиция. На выборах НП заняла второе место. Она получила 30,46% голосов и 117 мест в парламенте. Таких результатов СНБ тоже не ожидал.

Со временем немолодой Джальп уйдет на покой. Его место займет энергичный Гювен Гюркан, депутат парламента, до того профессор университета Гази, с политическим образованием Анкарского университета. Руководимая им Народническая партия по ряду причин уже не могла существовать автономно и в октябре 1985 г. с благородным призывом ко всем демократическим силам объединиться вошла в Социал-демократическую партию Эрдала Иненю (СДП), сына сподвижника Ататюрка и президента Турции (1938–1950). В январе 1986 г. сформировалась Социал-демократическая народническая партия (СДНП) во главе с Гювен Гюрканом. С 1987 г. генеральным председателем партии стал Эрдал Иненю. Генералы планировали установить и законодательно закрепить двухпартийную систему. Но этой идее не суждено было осуществиться.

Третья партия, допущенная к участию в выборах, Партия Отечества (ПО), можно сказать, свалилась на головы военных нежданно-негаданно. Документы на ее регистрацию были подписаны Озалом 28 сентября. После одобрения специальной комиссией СНБ списка учредителей партия получила разрешение на участие в выборах. Ей предстояло вступить в борьбу с НДП и НП.

Пройдут годы, уже не будет Озала, когда бывший президент Кенан Эврен скажет: «Да, я дал Озалу разрешение на создание партии. Потом поступили списки кандидатов. Кажется, был Курбан-байрам. Несмотря на праздник, мы, члены Совета, собрались и начали рассматривать каждую кандидатуру. Запросили компетентные органы. Получили сведения из

Организации национальной разведки, из Комитета по чрезвычайному положению, из Государственной безопасности. Внимательно просмотрели всех. Затем отметили, на кого следовало наложить вето. На Озала никакой информации не было. Не дошли до нас сведения о его причастности к тарикату. Даже если бы об этом нам стало известно позже, я непременно отменил бы свое решение и не позволил ему создать партию. Но таких данных на тот период у меня не было. Мне было известно лишь, что он баллотировался в депутаты от Партии национального спасения»¹¹. Эврен твердо стоял на том, что весь комплекс процедур, связанный с выборами, Озал выполнил «в соответствии с порядком, установленным СНБ, и никаких нарушений за ним не числилось». К сожалению, приходится утверждать, что Эврен лукавит. Как и хорошо отлаженные турецкие спецслужбы, он не мог не знать, что Озал состоит в запрещенном суфийском братстве, плотно общается с его лидером, ежедневно совершает пятикратный намаз и побывал в Мекке. (Озал еще дважды совершит паломничество в Мекку.)

Теперь-то уже общеизвестно, что в решении вопроса об участии партии Озала в выборах, первых после государственного переворота 1980 г., не обошлось без вмешательства США в лице Александра Хейга. Правда, Эврен категорически это отрицает, настаивая на том, что «никакого вмешательства извне не было». Александр Хейг — в прошлом верховный главнокомандующий силами НАТО в Европе (куда входит Турция), естественно, прекрасно знал Эврена (можно сказать, сотрудника своего ведомства) начальника Генерального штаба вооруженных сил Турецкой Республики. Если верить все тому же Чольшану, Хейг приехал в Анкару до получения Партией Отечества разрешения на участие в выборах. Встретился с Эвреном. Охарактеризовал Озала как человека, «преданного идеям демократии и свободному рынку», более того, «готового продолжить реализацию «Программы 24 января», и высказал «пожелание», чтобы СНБ не применяло

вето в отношении Партии Отечества. После недолгого разговора, который состоялся в Чанкая — резиденции президента, Хейг отбыл в Стамбул. Эврен проводил его до стамбульского аэропорта, откуда Хейг улетел в США¹².

Уже имея разрешение СНБ, Озал и его команда продолжали волноваться: удастся ли преодолеть 10%-ный барьер, даже если и удастся, сможет ли партия получить достойное число мест в парламенте? Тем не менее действовали энергично и слаженно, сказались незаурядные организаторские способности Озала. Но как же было непросто создать партию в условиях чрезвычайного положения, реальной власти военных и присвоенных ими широких полномочий на время подготовки выборов.

Учитывая ситуацию, при которой военными было полностью захвачено политическое поле, Озал счел целесообразным объединить в своей партии все четыре политические силы, определявшие жизнь страны до переворота 12 сентября 1980 г. Начинать следовало с составления списка учредителей (из 37 кандидатур СНБ одобрит только 30). Было решено обратиться к Демирелю, естественно, через посредника. Выбор пал на Экрема Джейхуна, вхожего к бывшему премьеру. На Джейхуна возлагалась миссия получить согласие Демиреля ввести в список учредителей ПО четырех конкретных лиц из его окружения. Демирель посредника принял, но в просьбе отказал. Позже в свое оправдание Демирель скажет: «Он (Озал. — С. У.) просил моей помощи. А почему я должен был оказать ему эту помощь? Да, отказал, отказал, потому что не посчитал свою политическую жизнь законченной. Было немало людей, которые выражали желание, чтобы я продолжил политическую карьеру. Под моим руководством готовилась новая Партия Великой Турции. Как же я мог при таких обстоятельствах помогать кому бы то ни было?»¹³. Некоторое время спустя Демирель, также через посредника, предложил Озалу присоединиться к его партии. Озал ответил

отказом и заметил: «Эту партию закроют, а мою — нет». Так оно и вышло.

Озал приступил к организации финансового обеспечения своей выборной кампании. Тутгодились связи с турецкими деловыми кругами. Можно не сомневаться, что самые состоятельные люди Турции — Коч, Сабанджи, Динчкёк и другие не пожалели миллионов ради такого дела. Команда профессионалов подготовила программу партии. В ней четко просматривалось намерение проводить модернизацию в духе принципов Ататюрка, укреплять демократический строй, поскольку только он гарантирует права и свободу, без которых невозможно функционирование свободного рынка. Она призывала оставаться верной национализму и национальным духовным ценностям, поддерживать религиозное обучение в начальных и средних школах, отказаться от атеистического толкования лаицизма. Авторы программы подчеркивали, что Турции необходимо расширять военные, политические и экономические связи с Западом, устанавливать торгово-экономические контакты с соседними мусульманскими странами.

В основу экономической части программы легли идеи, изложенные Озалом в 1973 г. в десятистраничном послании тогдашнему премьеру Демирелю (в это время Озал служил во Всемирном банке), а также доклад Озала «Новый экономический порядок», зачитанный им на семинаре «Ассоциации просвещенных» (Aydinlar Ocağı) в Анкаре в 1979 г.¹⁴ (Ассоциацию можно рассматривать как клуб идеологов и пропагандистов тюркско-исламского синтеза.) В программу Партии Отечества вошли и некоторые положения из программ четырех партий, а также из «Программы 24 января». Очевидно, что план по переустройству экономики страны родился не в одночасье, он вынашивался Озалом на протяжении нескольких лет. Название и эмблему — символ партии держали подальше от ушей и глаз конкурентов, хранили в строжайшей тайне до дня подачи документов в комиссию СНБ. Об этом вспоминает Мустафа Ташар, один из участников создания партии:

«Есть название партии — его никто не знает, есть эмблема — ее никто не видел, есть доска, на ней одно слово — “Партия”. Мастера, изготавливающего вывески, заперли на ночь в помещении, к восьми утра он должен приписать слово “Отечества” и нарисовать пчелу в сотах. Как на беду пчела приглянулась и Партии Великой Турции, за которой стоял Демирель. Надо было торопиться. Решили звонить в СНБ, не объясняя причины, просить принять четырех учредителей с документами не в девять часов утра, как было условлено, а в восемь тридцать. Позвонили. Там согласились. Документы сдали. Партию зарегистрировали. Это было 20 мая 1983 г.»¹⁵

История с эмблемой этим не закончилась. В ходе выборной кампании — ее начали в Эрзеруме, продолжили в родных краях Озала: в Малатье, Тунджели, Элязиге — у некоторых избирателей шестигранные соты вызывали подозрение и тревожные вопросы: «Не масон ли Озал?», «Не масоны ли создали партию?». (Ложка турецких масонов открылась во второй половине XIX в. и была связана с французской ложей Великого Востока. Членами ложи были многие деятели эпохи Танзимата.) На разъяснения уходило немало времени. В конце концов решили соты убрать, пчелу оставить¹⁶. При некоторой доли фантазии соты действительно можно уподобить выстроенной в несколько рядов центральной части эмблемы турецких масонов.

Мехмет Барлас вспоминает, сколь изобретательно вел кампанию Озал. Он оказался первым турецким политиком, который по достоинству оценил медийные возможности в период выборной гонки. Озал обратился к Барласу с просьбой провести с ним беседу. Барлас согласился. Встретились в хорошо оборудованной студии звукозаписи. Сначала Озал отвечал на каверзные вопросы опытнейшего журналиста, потом говорил произвольно, говорил красноречиво, доходчиво. Беседу записали. Кассету размножили и разослали по отдаленным селам через отделения партии, созданные уже во многих

илах. Так избиратели, прежде всего крестьяне, знакомились с программой партии и ее лидером¹⁷.

По единодушному признанию прессы, Озал блестяще вел кампанию, проявляя во всем блеске свою харизматичность, присущие ему чувство юмора, свободу общения, умение убеждать и обещать, например, снизить инфляцию, замучившую сограждан. Выступая, Озал часто прибегал к просторечию, говорил на «народном языке»: вместо «кардеш» (товарищ) произносил «гардаш», что, наряду с откровенной демонстрацией приверженности исламу, вызывало одобрение широких масс. Импонировал населению и тот факт, что выходец из провинции, к тому же из малообеспеченной семьи, достиг таких политических высот. Соперники Озала, лидеры «карманных» партий НДП и НП, Сунальп и Джальп явно проигрывали ему в своем общении с избирателями.

Были и другие объективные факторы, которые способствовали успеху Озала. Во-первых, его партия в отличие от НДП и НП никак не была связана с руководством военных, которые из-за проведенных репрессий утратили симпатии населения, особенно интеллигенции; во-вторых, запрет, наложенный на партии, функционировавшие до государственного переворота 1980 г., убрал с дороги серьезных противников; в-третьих, Озал вел кампанию под лозунгом «объединения всех четырех течений общественно-политической жизни страны — западнического, националистического, консервативного (клерикального) и даже социал-демократического», что не могло не привлечь к нему сторонников этих запрещенных партий¹⁸. Было ясно, что Озал — гибкий политик — опережает своих конкурентов. СНБ даже пытался запретить публикацию результатов предварительных опросов, дабы «не смущать» избирателей.

За два дня до выборов, то есть 4 ноября 1983 г., Эврен, выступая по радио и телевидению, в завуалированной форме призвал избирателей отдать голоса за партию Сунальпа. Возмущенные озаловцы в напряжении ждали указаний своего

лидера, как реагировать на противозаконное действие главы государства. Озал, обладавший способностью принимать взвешенные решения, распорядился молчать, «словно ничего и не было», и оперативно известить об этом все отделения партии. «Ответ дадут выборы», повторил он слова своего брата Коркута.

Несмотря на очевидное преимущество Озала, военные все же надеялись, что его партия не сможет преодолеть 10%-ный барьер, поставленный на пути избрания в парламент. Однако выборы завершились триумфальной удачей Партии Отечества. Она набрала не 10, а 45,15% голосов и получила 211 из 400 мест в парламенте. А это значило, что Озал мог сформировать однопартийное правительство.

В день выборов Озал с супругой находился в Стамбуле. Опустив бюллетени, они на машине выехали в столицу. Проезжая Дюздже, узнали о победе. Озал ничем не выдал своих чувств. В тот момент он думал о том, как наладить отношения с Эвреном. Военные все еще у власти, выборы состоялись, победа одержана, наверное, ради интересов страны надо забыть о словах президента, так как в высших эшелонах власти не должно быть раздора. С твердым решением следовать этой установке Озал приехал в Анкару. Провел пресс-конференцию, сделал заявление, разряжающее напряженную атмосферу, дал бесчисленные интервью своим и иностранным журналистам и в узком кругу скромно, без шума, отметил победу. Друзья-соратники решили, что не мешало бы поднять бокалы с шампанским, зная, что из всех спиртных напитков Озал предпочитает именно шампанское. Кинулись в магазины и рестораны, но не нашли. Выручил знакомый иностранный дипломат, раздобывший ящик шампанского в запасах своего посольства.

Спустя два дня Озал по собственной инициативе нанес визит президенту. Они обменялись рукопожатием и даже обняли друг друга. Мир был установлен. 26 ноября 1983 г. состоялось первое заседание вновь избранного парламента.

Затем, согласно конституции, прекратил деятельность Совет национальной безопасности. Несколько раньше бесславно ушло в отставку военное правительство Улусу. Озал представил на рассмотрение президента состав нового, гражданского правительства. В нем значились исключительно члены Партии Отечества. Нарушив традицию формировать кабинет в основном из юристов, Озал включил в его состав шесть инженеров и пять экономистов, что было обусловлено стоящей перед правительством задачей — вывести страну из глубокого экономического кризиса. Получив одобрение президента, 19 декабря Озал представил парламенту членов правительства и программу. Программу он зачитал сам, что было воспринято как новаторство. После недолгой дискуссии был получен вотум доверия. 24 декабря 1983 г. Озал стал премьер-министром Турции.

Семра-ханым, теперь супруга главы кабинета министров, тоже не сидела сложа руки. Памятуя о наставлениях американских имиджмейкеров, она начала проявлять активность в общественной сфере, создала просветительский вакф под названием «Ромашка» («Papatya»). Пресса так и окрестила его членов — «ромашки». Слово это замелькало на страницах печати часто с ироничным оттенком. Членами фонда были жены богатых мужей. Деньги текли в его кассу рекой. Открыли лечебный центр для членов фонда, начали издавать газету «Турецкая женщина» («Türk kadını»). Редакционные статьи, репортажи о деятельности премьера писала сама Семра-ханым. Публикация рекламы пополняла казну фонда. Однако газета не вызвала читательского интереса и вскоре закрылась. А фонд продолжал функционировать.

Время, когда Озал возглавил кабинет, было напряженным, сохранялось чрезвычайное положение. В этих условиях возможность восстановить в прежнем объеме демократические права была ограничена. Правительство приступило к выполнению своей программы с учетом реальной ситуации и с пониманием того, что следует безотлагательно браться за

решение социальных и экономических проблем. В эту сферу военные не вмешивались. Они оставили за собой вопросы обороны и национальной безопасности. В основных направлениях реформ Озала четко прослеживались либерализация экономики и предоставление свободы религии. Сразу скажем, что сторонником религии в ее чистом виде Озал не был. Он рассматривал ислам вместе с националистическими идеями в форме так называемого «исламо-тюркского синтеза» (построение общества с опорой на исламские ценности). Свобода совести, вероисповедания рассматривалась им как основа демократического правления, по аналогии со свободой предпринимательства как неперемennого условия для построения либеральной экономики¹⁹, твердым и последовательным проводником которой он был. Буквально на глазах происходила трансформация принципа лаицизма, одного из шести столпов, на которых со времен Ататюрка держалась республиканская Турция. Если раньше религия считалась помехой в деле модернизации турецкого общества, то теперь она использовалась как стимулятор его развития. В трактовании лаицизма отсутствовал атеизм, но был сделан сильный крен в сторону религии, которой лаицизм не должен мешать²⁰.

Реализацию правительственной программы начали с отмены монополии государства на ряд отраслей экономики (государственный сектор занимал солидное пространство в экономике Турции), допустив к ним местные и иностранные компании; либерализовали режим импорта, существенно активизировали поощрение экспорта, разрешили иностранным фирмам и частным лицам приобретать недвижимость, отменили существовавший с 1930 г. жесткий контроль государства над валютной системой, значительно ограничили вмешательство государства в ценообразование. Короче, «запустили» процесс либерализации экономики. За государством оставили те сферы, где частный капитал не мог рассчитывать на быструю и высокую прибыль. К ним относились горнодобывающая, энергетическая, лесохозяйственная,

оборонная промышленность, а также здравоохранение и коммунальное обслуживание. Все остальное, включая сельское хозяйство, передавалось в частные руки, то есть приватизировалось. Делом государства было обеспечить стабильную обстановку и максимально комфортные условия для развития частного предпринимательства и не в последнюю очередь непосредственно для среднего класса. В понимании авторов программы, он должен был стать основным двигателем либеральной экономики²¹.

Реформы были рискованными и непопулярными, но пользу принесли большую. К слову сказать, со временем в Турции сложился мощный средний бизнес.

Проводимая Озалом политика взаимовыгодных торгово-экономических отношений с ближневосточными мусульманскими странами открыла двери крупным исламским банкам и нефтяным компаниям Ирана, Ирака, Саудовской Аравии, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов, Ливии. Турецкие религиозные братства стали совладельцами этих компаний. Таким образом правительство Озала содействовало обогащению тарикатов, обеспечивало им возможность влиять на политическое управление страной, то есть способствовало «реисламизации» турецкого общества, но в то же время удерживало его от радикального исламизма. Предпочтение получил умеренный, или «мягкий» исламизм. Его исповедует правящая в Турции с 3 ноября 2002 г. Партия справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi) во главе с Тайипом Эрдоганом.

В 1984 г. Озал в сопровождении представителей турецких деловых кругов посетил Иран, Ирак, Пакистан, Ливию и Алжир, а его министр иностранных дел — некоторые страны Персидского залива. Оба турне были предприняты с целью обрести новых торговых партнеров. Громкие заявления Озала в ходе визитов завершились признанием ошибочной позицию Турции, проголосовавшей в 1958 г. в ООН против предоставления независимости Алжиру. Надо помнить: Озала не покидала мысль о создании Общего рынка со

странами Ближневосточного региона. Подводя итоги работы правительства за год, Озал подчеркивал, что оно придавало особое значение развитию отношений с исламскими странами. «Со многими из них, — говорил он, — нас связывают исторические и культурные корни, и мы прилагаем усилия для развития как политических, так и торгово-экономических связей с этими странами... Турция, занимающая достойное место в исламском мире, станет страной, уважение к которой и вес которой как на Западе, так и во всем мире увеличатся, ... и мы верим, — продолжал он, — что благодаря этому наша страна станет мостом, соединяющим исламский мир с миром западным»²². Многовекторная внешняя политика Озала досталась в наследство нынешнему руководству страны.

Определенную гибкость правительство Озала проявило во время затянувшейся войны между соседними Ираном и Ираком (1980–1986). Не желая терять партнеров по торговле и усложнять ситуацию у своих границ, Турция заняла нейтральную позицию, позволила воюющим странам пользоваться своей территорией как транзитной, добивалась прекращения войны и оказывала обеим сторонам продовольственную помощь. Правда, с Ираном время от времени возникала напряженность: Иран настойчиво пытался втянуть Турцию в лоно себе подобного исламского государства. С Ираком же сохранялись отношения, обусловленные взаимными интересами: торгово-экономическими выгодами и борьбой с движением курдов за независимость. К тому же Турция чувствовала себя в долгу перед Саддамом Хусейном — Ирак был единственной страной, оказавшей помощь Турции (нефтепродукты, финансы) во время Кипрского кризиса 1964 г. Но во время войны в Заливе (1991) Озал — верный союзник США — выступил сторонником антииракской коалиции, Турция перекрыла трубопровод иракской нефти, проходящей через ее территорию к Средиземному морю (правда, при этом она потеряла около 30 млрд. долл.), предоставила США и НАТО авиационные базы, но на использование

американцами своей территории в военных целях парламент согласия не дал.

Правительство Озала продолжало развивать традиционные связи с европейскими странами. С 1985 г. именно на них было направлено основное внимание премьера. Посещая эти страны, он добивался выгодных для Турции торговых контактов и приводил убедительные доводы в пользу инвестиционного климата в Турции. К этому времени признаки глубокого экономического кризиса канули в Лету, страна уверенно шла по пути свободного рынка. В апреле 1987 г. Турция даже сочла возможным официально обратиться в Европейское экономическое сообщество (предшественнику Европейского союза) с просьбой принять ее в полноправные члены. Озал приложил немало усилий в этом направлении, поскольку он стремился открыть новые горизонты турецкой внешней политики. Однако энергичные действия Озала при его жизни не увенчались успехом. Они дали о себе знать только в 1999 г., когда Турция получила статус кандидата в члены ЕС, правда, при условии, что страна «подтянется» в политической, экономической и правовой сферах. Имелись в виду прежде всего права человека, курдская проблема и вопрос Кипра.

В 1986 г. Озал побывал в Москве, где обсуждал экономические вопросы и пытался наладить связи в этой сфере. Любопытно, что Озал не раз посещал неевропейскую и немусульманскую Японию. Здесь у него был другой интерес. Он хотел воочию увидеть растущую экономику высокотехнологичной страны, лишенной природных ресурсов, и понять механизмы глобализационного процесса, в который Турция уже начала втягиваться. Озал интересовался не только современной экономикой. (Уже отмечалось, что он — автор книги по экономической истории Турции.) Вникнув в экономическую систему Турции османского периода, он увидел возможность спасения империи путем экономических реформ. В приватной беседе Озал как-то заметил: «Эти люди и тогда не могли понять, с чего следует начинать подъем экономики»²³.

С укреплением экономической базы стало легче решать социальные проблемы. Правительство сосредоточилось на строительстве жилья. Из внебюджетных средств был создан специальный фонд. Приступили к строительству жилых домов, сети школ и детских садов, главным образом в районах «геджеконду». Самодельные лачуги, построенные за ночь и по этой причине не подлежащие сносу, появились на окраинах больших городов Турции в середине прошлого столетия, получив название «геджеконду». В них ютилась беднота — в основном переселенцы из деревень. (Это был период активной капитализации и механизации турецкой деревни, когда крестьяне оставались без земли и батрацкой работы.) Власти решили не разрушать «геджеконду», подвести сюда электричество, провести систему канализации и водоснабжения, построить дороги. А при Озале здесь началось строительство школ и детских садов.

Правительство понимало, что открытая экономика, свободный рынок, частное предпринимательство, ограниченное вмешательство государства в сферу производства и многое другое должны внести изменения в разные сферы жизни турецкого общества, а это, в свою очередь, вызовет необходимость реформировать систему образования. Стране потребуются высококвалифицированные кадры, банковские служащие, операторы, инженеры, владеющие информационными технологиями, менеджеры и т. д. К концу 1980 г. открылось уже 18 новых университетов, в том числе в наиболее отсталом Юго-Восточном регионе Анатолии. Это одновременно ускоряло развитие территорий и снимало проблему скопления в центральных городах (Стамбул, Анкара, Измир) массы учащейся молодежи — наиболее беспокойной, политически активной части турецкого общества. Именно Озал явился инициатором создания частных университетов. К концу 90-х годов их было уже 23 из 76 функционирующих в 41 городе страны. Развивающаяся экономика увеличивала спрос на профессионалов прежних и новых специальностей, поэтому реформы

в сфере образования, проводимые правительством Озала, разумно увязывались с потребностями экономики. Например, в каждом университете, открытом в годы правления Озала, непременно были факультеты экономики и менеджмента.²⁴

Вместе с тем в годы правления Партии Отечества постоянно расширялась сеть религиозно-ориентированных учебных заведений (финансовую поддержку они получали от зарубежных исламских центров). Росло число школ имамов-хатибов, где учащиеся получали начальное, среднее и лицейское образование. Множились курсы по изучению Корана. Увеличивался корпус студентов теологических факультетов, куда начали принимать и девушек. Выпускники факультетов теологии составляли подавляющее большинство преподавателей философии и богословия в различных учебных центрах. Озал — сторонник «исламо-тюркского синтеза» своим «невмешательством» поддерживал эту развивающуюся тенденцию²⁵. В 1989 г. под давлением исламистов Озал издал указ, снимающий запрет на ношение студентками тюрбанов — головных платков, повязанных особым образом. При этом он произнес: «Я не сниму платок с головы моей матери и не заставлю мою жену его носить»²⁶, что следовало понимать как «воля каждого поступать в согласии со своим желанием».

Вслед за этим исламисты начали добиваться права совершать намаз в соборе Св. Софии — христианском храме византийского периода, построенном в VI в. В течение нескольких веков собор служил туркам мечетью и в нем совершались мусульманские обряды. В 1935 г. по указу президента храм получил статус музея. Теперь же исламисты стали требовать, чтобы храм вновь стал мечетью, но либеральная оппозиция вынудила правительство отвергнуть эти притязания и приостановить указ, разрешающий носить тюрбаны. Во время этих выступлений был убит известный ученый — профессор Муаммер Аксой, который готовил обращение к властям о запрете ношения тюрбанов. За ним погибли Угур Мумджу, Бахрие Уччок и Т. Дурсун — твердые и последовательные

противники реанимации ислама в Турции. Озал пытался снять напряжение вокруг проблем религии, убеждал, что «не стоит их преувеличивать», стремился не допускать острых столкновений в обществе. Против фундаменталистов круто не выступал, помнил о голосах избирателей и обретенных связях с ближневосточным мусульманским миром. Для него ситуация осложнялась тем, что внутри партии, сформированной по принципу четырех разнонаправленных идеологий, началась конфронтация между исламистскими и антиклерикальными группировками. Озалу пришлось применить старую испытанную тактику «разделяй и властвуй». Единство партии он сохранил.

Глава кабинета продолжал уделять особое внимание социально-экономическим проблемам регионального развития. С его именем связано строительство каскада плотин и гидроэлектростанций в рамках широкомасштабного проекта «Юго-Восточная Анатолия», известного по турецкой аббревиатуре GAP. Работа над проектом началась в 1961 г. На долю Озала выпал период активного строительства. Проект предусматривал использование вод Тигра и Евфрата в целях комплексного социального и экономического развития региона, населенного в основном курдами. Намечалось строительство не только электростанций и плотин, но и крупнейшего водохранилища имени Ататюрка (водохранилище уже построено), а также ирригационной системы, призванной оросить более 1,5 млн. га засушливой земли необъятной Харранской долины, с 1973 г. именуемой «Altınbaşak» — «Золотой колос». Предполагалось, что орошение позволит снимать по два урожая в год хлопка, риса, пшеницы, фруктов и овощей (как в далекие времена Ассирии и Вавилона), поэтому одновременно началось строительство предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, производству стройматериалов и т.д. Во вновь открытых университетах Диарбакыра, Урфы, Газиантепа, Малатьи начали готовить кадры профильных спе-

циалистов, соответствующих перспективе экономического развития региона.

Проект GAP, ежедневное вложение в который оценивалось в 1,7 млн. долл. (данные 1992 г.)²⁷, включал не только экономическую, но и политическую составляющую. Посредством повышения социально-экономического уровня жизни жителей региона предполагалось снять политическую напряженность, связанную с курдской проблемой²⁸. Из почти 75 млн. населения Турции курды составляют 15–20 млн. (по оценке Европейской комиссии)²⁹. Эта огромная масса нетюркского этноса, законодательно причисленная кемалистами к турецкой нации, со времени установления Республики борется против насильственной ассимиляции. На подавление сопротивления курдов отвлекаются огромные финансовые ресурсы, направляются не только силы жандармерии, но и хорошо обученная армия, которая ведет настоящую войну с курдскими партизанами — пешмерге. Конфликтующие стороны несут большие человеческие потери.

В отношении курдов Озал не всегда действовал заодно с военными. Когда в 1988 г. Саддам Хусейн применил газ против иракских курдов и у границ Турции скопилось около 100 тыс. беженцев, военные настаивали на том, чтобы не впускать их в страну, а в случае необходимости применить оружие. Озал категорически возразил: «Нет, мы примем их. Другого решения быть не может, не обрекать же безжалостно на гибель детей. Кто же тогда станет уважать нашу страну?»³⁰ Премьер не только воспрепятствовал антигуманной акции, он не в последнюю очередь подумал и о международном престиже Турции. Хотя принять беженцев для Турции было чрезмерно трудно. Не перекрыл Озал границу иракским курдам и тогда, когда в 1991 г. они старались укрыться от действия все того же Саддама Хусейна, громившего своих восставших граждан.

Озал встречался с курдскими лидерами — и Масудом Барзани, и Джелялем Талабани, обсуждал с ними разные

вопросы, включая вопрос возможного создания курдского государства на территории Ирака. Он надеялся достичь мира с турецкими курдами через посредство курдов — депутатов парламента, намеревался добиться перемирия с РПК — Рабочей партией Курдистана. В течение долгих лет курдская проблема остается нерешенным вопросом внутренней политики Турции. В конце XX в. к защите курдов турецкой творческой интеллигенцией (Яшар Кемаль, Азиз Несин), политическими деятелями (Месут Йылмаз), депутатами от Социал-демократической народной партии присоединились представители стран, на территории которых проживают курды, включая Грецию и Армению. Они начали помогать турецким курдам. Проблема вышла за пределы Турции и стала интернационализированной.

Озал понимал, что назрела необходимость скорректировать политический курс в отношении курдов. Наперекор военным, которые видели лишь силовое решение вопроса, он предпринял меры по частичной либерализации общественной жизни региона. Турецкие независимые газеты начали обсуждать проблемы 11 курдских областей. В 1991 г. был снят официальный запрет на курдский язык (запрет сохранялся в течение семи десятилетий); отныне допускалось исполнение песен на этом языке, использование языка в учреждениях, судах. Курдская печать стала легальной. В том же году в результате всеобщих выборов 22 места в парламенте получили курды, члены партии, выступавшей за мирное урегулирование курдской проблемы, в отличие от РПК, лидером которой был Абдулла Оджалан, не раз поднимавший мятеж на юго-востоке страны. Однако попытка мирного урегулирования курдского вопроса оборвалась вместе с кончиной Озала. Что же касается лидера РПК — Абдуллы Оджалана, то он в 1999 г. был арестован, осужден и пожизненно заключен в тюрьму на острове в Мраморном море. Общее направление официальной политики в отношении курдов вернулось в традиционное русло. Надежды возлагались на решение проблемы

путем социально-экономического развития региона, без предоставления курдам культурной автономии. Однако в начале 2000 г. политика турецких властей в отношении курдов начала меняться, потому что без решения этой проблемы Турция не сможет присоединиться к ЕС.

Политическая борьба в стране продолжалась. После избрания парламента и перехода к гражданскому правлению, руководители партий, не допущенных военными к выборам, возобновили деятельность. Сообразуясь с реальностью, парламента в январе 1984 г. принял решение провести 25 марта выборы в местные органы власти и допустить к участию в них новых партий. Нельзя сказать, что представленные в парламенте три партии горели желанием расширить круг участников выборов, но, видимо, здравый смысл возобладал. В начале марта 1984 г. парламента отменил чрезвычайное положение в 13 илах, однако в большей части страны, включая крупные города, оно сохранялось. Тем не менее военные постепенно теряли власть. Состоявшиеся в этих условиях выборы снова принесли победу партии Озала — 41,5% голосов избирателей, за ней шла Социал-демократическая партия — 23,4%, затем Партия верного пути (новое название Партии Великой Турции, запрещенной СНБ) — 13,2%. Остальные партии не набрали нужного количества голосов. По числу организаций в илах и ильче (волость. — С.У.), по числу членов они заметно проигрывали партиям, одержавшим победу. В результате уверенного доминирования Партии Отечества в парламенте выявилась любопытная картина: внепарламентская оппозиция — она будет соперником партии Озала на следующих парламентских выборах — оказалась сильнее оппозиции внутрипарламентской.

Неудивительно, что вследствие этого был поднят вопрос о досрочных выборах. В таком случае предстояло аннулировать конституционное положение, лишавшее на разные сроки многих политиков участвовать в жизни страны. В их число входили и лидеры четырех основных партий, действовавших

до государственного переворота 1980 г. Отстраненные от политики, на деле они руководили новыми — вернее, старыми с новым названием — партиями. Озал, опять-таки сообразуясь с реальной ситуацией, решил согласиться с проведением досрочных выборов. Обдумывая свое намерение, он принял мудрое решение: закон об изменении конституции должен пройти не через парламент, а через всенародный референдум. В ходе референдума народ выразит свое мнение, а парламент и правительство его примут к действию. Как бы ни оценивать поступок Озала, но в данном случае он действовал по правилам демократии. Референдум состоялся в сентябре 1987 г. Мизерным преимуществом в 0,37% он открыл дорогу к парламентским выборам 1988 г. новым партиям, в том числе возглавляемым старыми лидерами, опытными политиками Демирелем, Эджевитом, Эрбаканом и Тюркешем. Их возвращение в политику не сулило озаловской партии ничего хорошего. Она могла потерять голоса сторонников партий «оживших» вождей.

Трезво оценив ситуацию, Озал в первый же день референдума объявил о намерении правящей партии провести выборы в парламент досрочно, 1 ноября 1987 г. Все, что оппозиция могла сделать — это отодвинуть дату выборов на 29 ноября. Но ей, как и рассчитывал Озал, все же недоставало времени для широкомасштабных инициатив. Тем не менее все участники выборной кампании действовали весьма энергично. Партия Отечества говорила о реально достигнутых успехах в экономике, убеждала, что за четыре года ее правления в стране сделано столько, сколько не сделано за предшествующие 10–20 лет, обещала продолжить программу либерализации экономики и превратить Турцию в современное передовое государство.

Выборы состоялись в назначенный день. 10%-ный барьер преодолели лишь три из семи партий, 450 мест в парламенте распределились следующим образом: Партия Отечества Озала — 292 места, Социал-демократическая партия

Инению — 99 мест, Партия верного пути Демиреля — 59 мест. Партии Эджевита, Эрбакана и Тюркеша остались за бортом. Озал вновь сформировал однопартийное правительство и вновь занял кресло премьер-министра. После вторичной победы правительство постаралось смягчить политический климат в стране. Турция присоединилась к международным конвенциям о запрете пыток, предоставила своим гражданам возможность обращаться в Международный суд по правам человека. Гражданская власть наконец-то избавилась от диктата военных. Одновременно Озалу удалось поставить во главе Генерального штаба Неджипа Торумтая — лояльного его партии генерала. Страна стремилась к всесторонней интеграции в европейское сообщество. Западная Европа уже относилась к турецкому обществу в определенной степени как к «своему», ее действия были направлены на поддержку устремлений Турции к западным стандартам демократии³¹.

Тем временем критика в адрес премьер-министра со стороны и парламентской, и внепарламентской оппозиции накалялась. Озал — талантливый тактик, предвидя негативные для его партии и для себя лично перспективы, провел через парламент решение 25 сентября 1988 г. провести новый референдум. На этот раз он задумал внести некоторые коррективы в закон, чтобы очередные выборы в местные органы власти состоялись досрочно, то есть не в марте 1989 г., а в сентябре 1988 г. В этом Озал усматривал крайнюю необходимость. Он понимал: новый пакет мер по либерализации экономики — его планировалось реализовать в ближайшее время — неминуемо отразится на уровне жизни рядовых граждан, а это непременно вызовет недоверие к его реформам и снизит рейтинг его партии.

25 сентября 1988 г. референдум состоялся, но предшествовавшая ему дружная ожесточенная критика со стороны оппозиции возымела действие. За перенесение срока выборов проголосовало всего 35% избирателей. Это была первая серьезная неудача Озала. Она свидетельствовала о резком

падении рейтинга Партии Отечества. 1988 г. оказался вообще неблагоприятным для Озала. Кроме глубокого разочарования результатами референдума Озалу, его семье, ближайшему окружению и многим его почитателям пришлось пережить настоящий шок. Незадолго до референдума, 18 июля, на Озала было совершено покушение. По воспоминаниям многих очевидцев, начиная с членов семьи и кончая министром внутренних дел и главы службы безопасности Анкары, складывалась следующая картина. В среду, 15 июля, Озал вернулся из Греции, он хотел нормализовать с ней отношения: все-таки соседи и члены одного блока — НАТО. Кроме того, именно Греция упорно выступала против принятия Турции в ЕЭС. (Ее позиция определялась кипрским вопросом.) В субботу должен был состояться съезд Партии Отечества. Предстояло заслушать отчет председателя и провести выборы руководства. К мероприятию готовились долго и тщательно (с учетом того, что уже была попытка покушения на премьера, которую удалось предотвратить): металлоискатели, камеры наблюдения, оперативная съемка, бесчисленная охрана, словом, были задействованы все возможные современные меры безопасности.

Зал Анкарского спортивного клуба имени Ататюрка был набит до отказа, много иностранных гостей. Все ждут Озала. Для него и его супруги справа от сцены приготовлены специальные кресла. Супруги опаздывают по причине плохого самочувствия Семры-ханым. Наконец, они появляются. (Озал настоял, чтобы Семра-ханым все же присутствовала на съезде во избежание ненужных толков.) Зал встречает их овацией. Но супруги, к счастью, не садятся на отведенные для них места, проходят прямо на сцену. Озал поднимается на трибуну, но не успевает начать выступление, как раздаются два выстрела. Одна пуля, опять-таки, к счастью, попадает в подставку микрофона, вторая — в Озала. Озал падает, присутствующие ложатся на пол. Растерянная охрана беспорядочно палит в воздух. Личный врач премьера Дженгиз Аслан

кидается к трибуне. Видит много крови и слышит голос вставшего на ноги Озала: «Ничего страшного. Не волнуйтесь. Жизнь, дарованную Аллахом, никто, кроме Аллаха, не заберет»³². Озал ранен в руку, пуля прошла между большим и указательным пальцами, поначалу перевязали носовым платком, потом обработали, сделали повязку. Покидать съезд, ехать в клинику Озал категорически отказался. Он поднялся на трибуну и снова начал драматично прерванное выступление.

Стрелявшего задержали. Им оказался некто Каргал Демирдаг. Хорошо обученный стрелок потерпел неудачу, выполнение задания сорвалось. Озал не воспользовался приготовленным для него креслом и к тому же непосредственно у его груди оказалась металлическая подставка микрофона, спасшая ему жизнь. Главу службы безопасности Анкары отправили в отставку, стрелявшего заключили в тюрьму пожизненно, а заказчик так и остался неизвестным. Хотя, как утверждает сын Озала Ахмет, Озал знал его. Он часами просматривал видеозаписи, выстраивал длинную логическую цепочку и несколько месяцев спустя обмолвился, что это «очень высокая персона». Большинство свидетелей объясняют молчание следственных органов государственными интересами. Съезд вновь избрал Озала генеральным председателем, которому пока удавалось, не без усилий, сохранять единство партии.

Итак, по итогам референдума местные выборы не были перенесены. Они состоялись 26 марта 1989 г. На первое место вышла Партия верного пути Сулеймана Демиреля, на второе — Социал-демократическая народническая партия Эрдела Иненю. Партия Отечества Тургута Озала оказалась на третьем месте, ей отдали голоса всего 21,7% избирателей³³. По мнению авторов многих газетных публикаций, популярность озаловской партии резко упала вследствие «небрежения интересами народа, демократическими свободами и правами человека», а также в результате инфляции и роста цен, усложнивших жизнь населения, а еще по причине недовольства сверхбогатством уже сложившегося к тому времени

«озаловского клана» (его называли также «семейным меджлисом»). Клану была дана возможность не только сказочно разбогатеть, занять высокие посты, но и пустить глубокие корни во многие сферы жизни турецкого общества.

31 октября 1989 г. истекал семилетний срок полномочий президента Турецкой Республики, бывшего генерала, бывшего главы Совета национальной безопасности Кенапа Эврена. В парламенте, который избирает президента Турции, большинство пока еще составляла Партия Отечества. Как и следовало ожидать, президентом страны 263 голосами был избран Озал. 9 ноября Озал — второй гражданский президент в истории Турции — приступил к своим новым обязанностям. Первым с 1946 г. был Джеляль Баяр, отстраненный от власти в результате государственного переворота 1960 г. военными, судимый трибуналом за попытку отойти от экономических принципов кемалистской доктрины. Он был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением, и освобожденный спустя четыре года в связи с преклонным возрастом. Прожил Джеляль Баяр еще 22 года и скончался в возрасте 103 лет.

После избрания Тургуту Озала восьмым президентом Турции он вышел из партии (по закону президент не может состоять в какой-либо партии). Партию Отечества и кабинет министров возглавил Йлдырым Акбулут, депутат от Эрзинджана, юрист по образованию, который во многом уступал Тургуту Озалу. В апреле 1991 г. на очередном конгрессе лидером Партии Отечества избрали Месута Йылмаза. В июне он же сформировал новое правительство. Депутат от Ризе, экономист, социолог, владеющий иностранными языками, Йылмаз занимал министерские посты в обоих кабинетах Озала. Позже он еще дважды станет главой правительства. Лишенная своего деятельного, харизматичного лидера, к тому же раздираемая междоусобной борьбой, партия стала терять силу. (Пройдет время, на выборах 2002 г. она получит всего 5,7% голосов и останется за пределами парламента.)

Набирала силу Партия верного пути во главе с опытейшим политиком Демирелем.

Весной 1991 г. были упразднены статьи Уголовного кодекса, запрещавшие религиозную и политическую пропаганду, а также создание организаций на базе этих идеологий. Исламистские и левые партии обрели право участвовать в политической жизни страны. Тогда же был принят закон, известный под названием «Антитеррористический». Название и соответствующее ему основное содержание не помешали включить в этот закон ряд положений, смягчавших ситуацию с правами человека, за которую Турцию резко критиковало европейское сообщество. В октябре состоялись очередные выборы в парламент. В лидеры вышла Партия верного пути (27,9% голосов, 178 мест); Партия Отечества оказалась на втором месте (24%, 115 мест); за ней следовали Социал-демократическая народническая партия (20,5%, 88 мест); Партия благоденствия (16,8%, 62 места) и Демократическая левая партия (11%, 7 мест). На смену однопартийному пришло коалиционное правительство во главе с Демирелем³⁴. Озалу не оставалось ничего иного, как предложить именно ему, Демирелю — учителю, конкуренту, а потом, пожалуй, и противнику, — сформировать правительство. На этом закончилось восьмилетнее пребывание во власти Партии Отечества. Озал глубоко переживал поражение партии. Надежда на то, что созданная им партия сохранит власть до конца века и полностью выполнит намеченную программу, сорвалась.

В эпоху правления Озала страна активно начала отходить от лаицизма, проводить меры, направленные на широкую либерализацию экономики, внедрять свободный рынок в систему народного хозяйства. Все это позволило Турции выйти из глубокого экономического кризиса. Реформы в социальной сфере, ликвидация монополии государства на информационном поле (радио, телевидение), движение в сторону демократии в сочетании с успешным проведением анти-террористических мер способствовали обретению Турцией

достойного места в мировом экономическом пространстве и в той системе международных отношений, которая сложилась в конце минувшего века. Однако к этому времени Озал уже не отличался крепким здоровьем. Он перенес несколько серьезных операций, в том числе и на сердце. Его лечащим врачом был знаменитый Дебейки. Он оперировал Озала в Америке (1987) и не раз консультировал его в Турции. Позже турецкие медики обнаружили у Озала рак предстательной железы. В апреле 1992 г. он был прооперирован в госпитале Хьюстона и некоторое время оставался там на лечении. Вернувшись в Турцию, Озал продолжал работать с прежней активностью и говорил окружающим, что никогда не станет «декоративным президентом». Слово свое сдержал, особенно в части общения со своими зарубежными коллегами. Посетил США, страны Европы и балканские государства, говорил о возросшей привлекательности Турции для инвестиций, старался наладить дружеские контакты. Позже Турция войдет в первую десятку стран, которые активно привлекают иностранных инвесторов.

Вернувшись из поездки по балканским странам, Озал в 1993 г. отправился в турне по тюркоязычным республикам (Узбекистан, Казахстан, Туркмения, Азербайджан) бывшего Советского Союза. Из анкарского аэропорта Эсенбога президентский самолет вылетел 4 апреля, вернется он только 15 апреля. Сопровождавшая президента делегация из 217 человек (официальные лица, журналисты, деловые люди) едва выдержит чрезвычайно насыщенную программу, включавшую обильные застолья, которую им подготовили гостеприимные хозяева. Основная нагрузка ляжет на Озала, он будет вести двусторонние переговоры, выступать на пресс-конференциях, давать интервью, посещать промышленные объекты, поклоняться усыпальницам мусульманских святых. Когда один из сопровождавших его взял горсть земли с могилы Мухаммеда Бахаэддина ибн Мухаммеда (по воспоминаниям других, с могилы Ахмета Йесави)³⁵, чтобы положить потом землю на

могилу Хафизе-ханым — матери Озала, президент прошептал: «Бери побольше, пригодится».

На настойчивые уговоры сократить программу Озал отвечал: «В гостеприимстве заключены духовные ценности этих людей. Они не могут вести себя иначе. Они же тюрки! Мы обязаны построить мост, соединяющий нас с ними, повести их за собой, избавить от пережитых страданий...»³⁶ (Поговаривали, что у Озала мелькала мысль создать соединенные штаты по типу американских с участием тюркоязычных республик Центральной Азии.) Вместе с тем известно, что после распада Советского Союза Турция намеревалась взять на себя роль лидера в этом регионе, однако не смогла в силу многих причин и не в последнюю очередь финансовых.

В Анкару вернулись в пятницу, 15 апреля. На следующий день Озал отправился на выставку болгарского скульптора. А в воскресенье, 17 апреля, планировал с Семрой-ханым выехать в Стамбул к детям. Озал был примерным семьянином. Вспоминает Семра-ханым: «Разговариваем. Он стоит за моей спиной. Говорю, что приготовила для поездки все, что он просил, и вдруг слышу грохот. Оборачиваюсь — он на полу. Врачи, скорая, клиника — все напрасно. И наши, и зарубежные специалисты сказали: «Это тромб»³⁷. Неожиданная кончина президента буквально потрясла турецкое общество. Многие понимали, что благодаря его усилиям страна преодолела глубокий кризис, встала на путь развития, диктуемый временем.

В Белом зале дворца Чанкая впервые читали Коран, впервые звучали суфийские мелодии, впервые нарушали законы, чтимые на протяжении семи десятилетий, нарушали так же смело, как это делал Озал, реализуя свои замыслы по выводу страны из экономического и политического тупика. По мусульманскому обряду прощание состоялось и в мечети Коджатепе. Земле Озала предали 22 апреля согласно его воле в Стамбуле. [Когда-то Озал обмолвился, что «хотел бы лежать под сенью духа султана Мехмета Фатиха»³⁸ (завоевателя

Константинополя, 1453 г. — С. У.]). Покойся Озал в начале проспекта Ватан, неподалеку от памятника премьер-министру Аднану Мендересу*, который вместе с президентом Джемалем Байяром пытался сделать всего несколько шагов в сторону от кемалистских экономических устоев и поплатился за это жизнью.

В вечный дом Озала была брошена горсть бухарской земли, как говорят, с могилы основателя тариката накшибенди, которому Тургут Озал оставался преданным до конца жизни.

16 мая 1993 г. новым президентом Турции был избран Сулейман Демирель.

- 1 Еремеев Е. Д. Турция в годы..., с. 188.
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 Подробно о новой конституции см.: Данилов В. И. История и современность. М., 1988; Турция 80-х. От военного режима до «ограниченной демократии». М., 1991.
- 5 Восток и современность ИВ АН, № 2 (44). М., 1987, с. 24.
- 6 Подробную характеристику партий см.: Данилов В. И. Политическая борьба в Турции. 50-е — начало 80-х годов (Политические партии и армия). М., 1985.
- 7 О партиях см.: Данилов В. И. Турция 80-х. От военного режима до «ограниченной демократии»; Борьба за создание вестернизированного общества. Эволюция политических систем на Востоке. М., 1999; Зиганшина Г. М. Ислам в общественно-политической...

* А. Мендерес — лидер правоцентристского блока. К нему Озал тяготел со студенческих лет.

- 8 Цит. по: Зиганшина Г. М. Ислам в общественно-политической..., с. 78.
- 9 Подробно о НДП см.: Данилов В. И. Турция 80-х..., с. 82–90.
- 10 Подробно о НП см.: Данилов В.И. Турция 80-х..., с. 91–100.
- 11 Birand M. F., Yalçın S. The Ozal..., s. 180.
- 12 Çölaşan E. Turgut nereden..., с. 192.
- 13 Birand M. A., Yalçın, S. The Özal..., s. 158.
- 14 Там же, с. 174.
- 15 Там же, с. 174.
- 16 Там же, с. 184–185.
- 17 Там же, с. 187–188.
- 18 Подробно см.: Зиганшина Г. М. Ислам в общественно-политической..., с. 67–71.
- 19 Подробно о «тюркско-исламском синтезе» см.: Зиганшина Г.М. Ислам в общественно-политической..., с. 75–88.
- 20 Данилов В.И. Турция 80-х ..., с. 104.
- 21 Киреев Н.Г. История Турции XX в. М., 2007, с. 343–345.
- 22 Цит. по: Вдовиченко Д.И. Тургут Озал..., с. 55.
- 23 Dülger, Sema. Dünden Bugüne Devletin Zirvesindekiler, s. 198.
- 24 Подробно см.: Ли Ю. А. Реформы в системе образования Турецкой Республики. М., 2006, с. 58–74.
- 25 Там же.
- 26 Старченков Г. И. Турция — годы крупных перемен. — Азия и Африка сегодня, 1990, № 6, с. 20.
- 27 Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001, с. 321.
- 28 Там же, с. 313–325.
- 29 Набиева А. Р. Курдская проблема в свете интеграции Турции в ЕС. — Современная Турция: проблемы и решения..., с. 133.

- 30 Doğan, Kutlay. Turgut Özal Belgeseli. [http: www bouk-fond.com](http://www.bouk-fond.com), s. 250.
- 31 Данилов В. И. Турция 80-х ..., с. 61.
- 32 Birand M. A., Yalçın S. The Ozal, s. 355.
- 33 Там же, с. 345–378.
- 34 Данилов В. И. Турция: борьба за создание вестернизированного демократического общества. — Эволюция политических систем на Востоке. М., 1999, с. 213.
- 35 Birand A. M., Yalçın, S. The Özal..., s. 556.
- 36 Там же, с. 554.
- 37 Там же, с. 560.
- 38 Dülger, Sema. Devletin Zıttıvesindekiler..., s. 194.

III. ПОЛИТЭКОНОМИЯ ПО ОЗАЛУ

Отличительная черта Озала-политика состояла в исключительной важности для него деятельности в сфере экономики. Будучи приверженцем классических либерально-позитивистских взглядов, он вынашивал планы глубокого реформирования основ национальной экономической доктрины. Но на этом поле в качестве действующего премьер-министра он оставался именно политиком, цели которого не ограничивались последовательным исполнением рекомендаций экономической теории. Чтобы понять, экономике или политике отдавал предпочтение Озал, находясь у власти, обратим внимание на такую ставшую для Турции актуальной еще в середине XX в. проблему, как переход к многопартийной системе, повлиявшей на характер экономической политики. Отмена властной монополии, бессменно правившей со времен основания республики Народно-республиканской партии (НРП) обычно рассматривается исследователями как важнейший качественный сдвиг в политической системе, положившей начало развитию в стране реальной демократии. Дальнейшая история становления демократии исследуется в связи с ролью турецкой армии, которая неоднократно посредством узурпации власти и отстранения действующих правительств «корректировала» демократический выбор избирателей.

В контексте настоящей работы важно обратить внимание на то, что, в условиях быстрого роста числа партий и обострения межпартийной борьбы, те из них, которые добивались положения правящих, были обречены (в числе прочих

инструментов удержания власти) формировать свою экономическую политику в значительной мере как популистскую, ориентированную на удовлетворение экономических чаяний наиболее значимых электоральных групп. Неизбежность подобной ориентации предопределялась тем обстоятельством, что общий тип социетарного развития Турции укладывался в так называемую государственно-центричную матрицу. Иными словами, государство играло, и во многом продолжает играть, центральную роль в формировании экономических, политических и социальных отношений. При этом термин «матрица» представляется более удачным, чем «модель», поскольку указывает на «общегосударственные» рамки или контекст, в которых это развитие осуществляется.

С середины XX в. в условиях обострившейся политической борьбы популизм как результат обремененности государства широкими функциями в обеспечении экономического развития становится устойчиво присущ Турции. Как отмечал турецкий экономист З. Ониш, переход к парламентской демократии в 1950-х, произошедший в условиях крайнего неравенства в распределении доходов, означал, что государство попало под прессинг популизма, порожденного надеждами на процесс вторичного перераспределения. «Значение коэффициента Джини после 1950 г. постоянно превышало 0,5¹, поэтому давление, оказывавшееся в целях перераспределения дохода, стало эндемической чертой политической экономии страны. Результатом этого постоянного давления стало формирование так называемого “маломощного государства всеобщего благополучия”» — резюмировал Ониш².

Итак, сложившиеся после 1950-го политические реалии практически неизменно (за исключением периодов пребывания у власти военных) и существенно влияли на целевые установки и методы реализации экономической политики, сформировав своего рода новую, но быстро укоренившуюся популистскую традицию. Именно эта традиция определяла условия, в которых Тургуту Озалу предстояло действовать

в качестве премьер-министра. Поэтому важно показать основные вехи процесса закрепления новых ориентиров экономической политики, которые к моменту прихода Озала в правительство успели превратиться в исходные для любой выборной власти.

В 1950 г. после многолетнего пребывания у власти основанной М.К. Ататюрком Народно-республиканской партии руководство страной перешло к правительству, сформированному Демократической партией (ДП). Демократы оценили выпавший на их долю шанс. В своей экономической политике они попытались максимально учесть ожидания и надежды избирателей и по возможности противопоставить свой курс наиболее изнурительным, с точки зрения рядового турка, и вызывавшим глубокое раздражение направлениям экономической деятельности своих предшественников: ограничению импорта, забвению проблем сельского хозяйства при переносе акцентов на этатистскую индустриализацию и сдержанное отношение правительства к ускорению темпов роста.

Американский исследователь М. Сингер, характеризую экономическую политику пришедшей к власти ДП, видел ее главную особенность в том, что «если предшествующее правительство отдавало приоритет порядку и стабильности, то демократы, признавая их важность, направляли свою энергию на обеспечение экономического роста и прогресса»³. Сложный по длительности и напряженности период политической борьбы, который был пройден Демократической партией на пути к власти, в большой степени предопределял обязательный характер ее экономической политики как популярной, а при несдержанности методов проведения даже популистской. Ускорение экономического роста и быстрое повышение благосостояния большой массы людей и должны были стать фактором популярности экономической политики ДП. Какие же механизмы ускорения экономического роста использовались? Они не выходили за рамки обычной практики стимулирующей фискальной политики — политики

роста бюджетных расходов с целью расширения спроса внутреннего рынка и дальнейшего повышения объемов производства. Активный рост государственных расходов (их реальный рост с 1950 по 1960 гг. составил 58%) заметно опережал рост доходов. Экспансионистская фискальная политика правительства, не подкрепленная ростом налоговых сборов, стала причиной несбалансированности госбюджета Турции: на смену незначительному профициту 1950 и 1951 гг. в последующие годы пришел постоянный рост дефицита.

Для финансирования экономической политики правительства активно использовались эмиссионные возможности Центрального банка (ЦБ). М. Сингер писал, анализируя ситуацию с использованием кредитов ЦБ: «Не демократам принадлежит открытие того факта, что кредиты Центрального банка можно использовать для достижения своих политических целей, однако они не жалели усилий в их привлечении»⁴. В результате экономика страны столкнулась в 50-е годы с новой для себя проблемой инфляции: если в период с 1946 по 1952 г. среднегодовой рост цен составил 2,2%, то в период с 1953 по 1959 г. — почти 17%⁵. Правительство Демократической партии не пыталось отрицать тот факт, что его экономическая политика привела к инфляции. Министр финансов Н. Окмен прокомментировал ситуацию в своей речи, посвященной проекту бюджета на 1955 г., следующим образом: «Действительно, количество денег в обращении за период нашего правления возросло, но в то же время нельзя отрицать тот факт, что и производственный потенциал страны возрос многократно. Следует уточнить, что рост денежной массы поощрял и поддерживал этот экономический рост, достигший полного размаха»⁶.

Значительная часть избыточных государственных расходов финансировалась за счет поступления средств извне. Их широкое использование было одним из принципов экономической политики демократов. Член правительства Ф. Кеprüлю в своем интервью Франс Пресс заявил: «...Мы

будем привлекать иностранный капитал в нашу страну. Если мы будем зависеть только от своих собственных ресурсов, нам придется ждать долгие годы, прежде чем мы достигнем более высоких жизненных стандартов»⁷. Но в своем оптимистичном настрое правительство не осознавало всей серьезности ситуации. В стране все более четко обозначались признаки приближения валютно-финансового кризиса. Обострение долговой проблемы и непрекращающийся рост цен вынудили правительство демократов принять в обмен на финансовую поддержку Запада стабилизационную программу, вошедшую в историю как Программа от августа 1958 г. В 1960 г. в стране произошел военный переворот, положивший конец правлению ДП.

Подводя итоги экономической политики правительства Демократической партии, М. Сингер писал: «Демократы проводили экономическую политику, которая благоприятствовала экономическому росту за счет стабильности цен — выбор, за который их трудно обвинить. Но характер проведения этой политики следует определить как несдержанный. Кредитно-денежная, ценовая политика — все было подчинено цели экономического роста. К тому же экономическая экспансия правительства проводилась без планирования и учета взаимосвязей между отраслями экономики. Неотвратимым следствием стала серьезная инфляция, которая не только поставила под угрозу политическую популярность демократов, достигнутую столь высокой ценой, но и мешала экономическому росту»⁸. Итак, правительство демократов положило начало популистской экономической традиции в Турции, которая получила продолжение и развитие в экономической политике правительств середины — конца 1970-х. Рост цен на нефть, вошедший в мировую экономическую историю как нефтяной кризис 1974 г., привел к резкому ухудшению условий внешней торговли для Турции: за период с 1972 по 1977 г. ее импорт вырос на 4,2 млрд. долл., или в 3,7 раза.

Система государственного регулирования ценообразования в Турции базировалась, в том числе, на Законе о нефти 1954 г., который допускал возможность выплаты нефтяным компаниям разницы между ценой на внутреннем рынке и мировыми ценами. Поэтому резкое повышение мировых цен на нефть привело лишь к незначительному их подъему на турецком рынке. Дело в том, что страна переживала период политической нестабильности. Часто сменявшие друг друга правительства стремились любой ценой избежать принятия непопулярных решений о росте внутренних цен на нефтепродукты, что неизбежно означало бы очередной политический кризис и крах очередного и без того малоустойчивого правительства. Поэтому если основная тенденция мировой экономики состояла в сокращении потребления нефти, то продолжавшееся субсидирование цен в Турции обусловило резкий рост ее потребления с 10,8 млн. т в 1972 г. до 17,7 млн. т в 1977 г.⁹

Возросший на фоне увеличившегося импорта нефти внешнеторговый дефицит обусловил рост потребностей турецкой стороны в привлечении внешних источников финансирования, что по времени совпало с расширением их предложения со стороны международного финансового рынка. В итоге в 1975–1977 гг. средние темпы экономического роста были высокими — 7%, что свидетельствовало не столько об экономическом благополучии, сколько об опасном перегреве экономики. Таким образом, турецкая экономическая история вновь подтвердила во многом неизбежную приверженность действующих правительств экономическому популизму, который, тем не менее, в глазах значительной части общества был наиболее позитивной формой ответа государства на надежды граждан.

Между тем в экономике Турции нарастали тревожные тенденции: дефицит системы госфинансов исчислялся 6,5% ВВП, среднегодовой рост оптовых цен составил почти 17%, роль внешних источников в финансировании инвестиций

достигла 6% ВВП. В результате быстро рос внешний долг: с 1973 по 1980 г. он вырос в 4,6 раза, достигнув 15,3 млрд. долл. В 1978 г. Турция должна была произвести долговые выплаты в объеме 4,84 млрд. долл. Ожидавшиеся же валютные доходы — экспорт и денежные переводы работавших за рубежом турок — должны были составить не более 3 млрд. долл.¹⁰ Таким образом, неизбежность долгового кризиса становилась очевидной, в том числе и для кредиторов Турции. Тяжелое валютное положение страны обусловило необходимость разработки стабилизационных мер. С 1978 г. к этому процессу подключился МВФ. Однако из-за разногласий между находившимся у власти правительством Народно-республиканской партии и Международным валютным фондом последний начал оказывать финансовую поддержку Турции лишь с начала 1979 г. Тем не менее, правительство приступило к проведению пакета мер, направленных на предотвращение стремительного роста внешнего долга страны: турецкая лира была девальвирована на 20%.

В июне 1979 г. начала действовать новая стабилизационная программа, усилившая и развившая основные моменты экономической политики, проводившейся с 1978 г. Так, турецкая лира претерпела дальнейшую девальвацию почти на 100%, были введены дополнительные ограничения на импорт, приняты шаги, направленные на то, чтобы стимулировать приток денежных переводов турецких рабочих из-за рубежа.

Пришедшее к власти в ноябре 1979 г. правительство С. Демиреля 24 января 1980 г. огласило стабилизационную программу, в разработке которой принимал участие и Т. Озал в качестве советника при аппарате премьер-министра.

В сентябре 1980 г. в Турции произошел военный переворот. Нормализация политического положения в стране после прихода к власти военных позволила более последовательно двигаться по пути реализации Программы экономической стабилизации от 24 января 1980 г. Ее основные положения были направлены, с одной стороны, на стабилизацию

внутриэкономического положения Турции посредством сокращения государственных расходов и ограничения денежного предложения, а с другой — на улучшение валютного положения страны, но уже не с помощью всевозможного ограничения валютных расходов, в том числе импортных, а посредством активного увеличения валютных поступлений за счет наращивания объемов экспорта товаров и услуг. Внутриэкономические аспекты программы заключались в проведении непопулярных мер фискального сдерживания и снижении доходов населения, что не помешало военным взять на себя роль по беспристрастному проведению программы в жизнь и добиться заметного сокращения бюджетного дефицита и снижения инфляции.

В конце 1983 г. в Турции были проведены парламентские выборы. К власти в стране пришло гражданское правительство во главе с Тургутом Озалом, сформированное его Партией Отечества (ПО). Начался первый период пребывания Озала на посту премьер-министра, известный в турецкой литературе как «золотой период Озала».

Первые программные заявления партии Т. Озала свидетельствовали о том, что, будучи хорошо осведомленным о правилах, которых следует придерживаться успешному политику в экономике, он не собирался ограничиться проведением адресованной всем в целом и раздражающей каждого в частности политики фискального сдерживания в рамках равноиндифферентного отношения к электоральным группам.

Предвыборная декларация ПО¹¹ оказалась неожиданной: традиционный последовательный перечень основных направлений политики партии в случае прихода к власти был преварен кратким и ясным изложением основных, при этом абсолютно адресных задач, которые намеревалась решить партия. В их в число вошли:

- **улучшение положения среднего класса**, понимаемого как сообщество фермеров, рабочих, служащих и ремесленников;

- решение проблемы безработицы;
- решение жилищной проблемы в городах;
- подъем отсталых регионов, в первую очередь Востока и Юго-Востока страны.

Улучшить положение среднего класса предполагалось прежде всего с помощью снижения уровня инфляции, которая определялась как «основной враг малых и стабильных доходов». В декларации говорилось о решимости Партии Отечества снизить инфляцию посредством таких мер, как контроль над темпами роста денежной массы, сдерживание роста бюджетного дефицита, повышение эффективности инвестиционной политики, создание конкурентного рынка со свободным ценообразованием, проведение постепенной либерализации импорта в целях снижения цен и повышения качества местных товаров под давлением внешней конкуренции. Во-вторых, укрепить положение среднего класса намечалось с помощью увеличения его доли в конечном потреблении, для чего планировалось предоставить ему налоговые льготы и обеспечить доступными кредитами. В-третьих, планировалось всемерно поощрять рост сбережений среднего класса через создание нового инструментария концентрации богатства в его руках, а именно, кроме банковских вкладов предлагалось широкое приобщение среднего класса к приобретению различных видов ценных бумаг. Последняя мера уже предусматривала не столько выполнение определенных обязательств государством, сколько развитие новой ментальности и экономическую активизацию самого среднего класса.

Решение **проблемы безработицы** планировалось обеспечить с помощью повышения темпов экономического роста. Но вместе с тем предусматривался еще и меры конкретного характера: рост сбережений населения посредством снижения и удержания на разумном уровне налогов, приобщение граждан к использованию всевозможных инструментов финансового рынка, в том числе к долевному участию в доходах объектов государственной инфраструктуры через их

акционирование и продажу акций населению. Иными словами речь шла о широком приобщении граждан к новым видам доходов — дивидендам — в дополнение к заработной плате. Помимо этого предусматривалось более активное привлечение капитала из-за рубежа, рост экспорта трудоемких товаров и развитие трудоемких отраслей внутри страны (жилищное строительство, текстильная промышленность, инфраструктура).

Жилищная проблема характеризовалась как наиболее острая, промедление в решении которой грозило социальным взрывом. Согласно оценкам, содержащимся в предвыборной декларации, в результате роста населения и миграции из деревни в город ежегодная потребность в жилье составляла 250 тыс. единиц. Основной вопрос, который предстояло решить, — вопрос финансирования жилищного строительства. Поэтому для обеспечения банков средствами для выделения ипотечных кредитов, льготных по срочности и стоимости, для поощрения сбережений с целью приобретения жилья планировалось создать специальный внебюджетный Фонд жилищного строительства.

Наконец, в целях ускорения развития **отсталых регионов** предусматривалось осуществить на их территории несколько инфраструктурных проектов, обеспечить рост инвестиций, направленных на развитие природного и сельскохозяйственного потенциала этих регионов, расширять их экономические отношения с приграничными регионами соседних государств, а также выплачивать специальные надбавки к заработной плате местным служащим и предоставлять им жилье.

Итак, анализируя предвыборную декларацию ПО, следует отметить, во-первых, весьма четкую социальную адресацию основных задач партии, которая вступает в диалог со средним классом, с семьями, где не решен жилищный вопрос, с безработными и жителями отсталых регионов Турции. Во-вторых, обращает на себя внимание тесное переплетение социальных и экономических аспектов в основных задачах,

сформулированных партией: инфляцию необходимо победить не в общих, абстрактных экономических целях, а в интересах улучшения положения среднего класса; усилить рост экспорта, что приведет к повышению занятости; либерализовать импорт, что позволит снизить цены на внутреннем рынке; развивать фондовый рынок для улучшения материального положения среднего класса. Кроме того, в программе большое внимание было уделено решению жилищной проблемы — экономической мере с очевидной социальной направленностью. Таким образом, основная идея декларации — заявить об ориентации на конкретные электоральные группы, чьи интересы могут быть реализованы посредством адресных экономических мер.

В декларации (излагавшейся далее уже в рамках традиционной для подобных документов структуры) был раздел «Экономическая политика». С одной стороны, он частично повторял тезисы, уже использованные при изложении основных задач, развивая их. Например, вновь говорилось о необходимости удержания инфляции на низком уровне, поощрении роста сбережений. Последний тезис уточнялся через заявление о намерении внести изменения в закон о рынке капиталов. Подтверждалось намерение партии подчинить налоговую систему интересам роста сбережений и инвестиций. С другой стороны, этот раздел содержал и некоторые новые положения, свидетельствовавшие о намерении осуществить важнейшие структурные сдвиги в турецкой экономике. Например, в специальном подразделе «Роль государства в экономическом развитии» подчеркивалось: «Основная функция государства в экономике — упорядочить, организовать экономические отношения индивида и корпоративных организаций, обеспечить экономическую стабильность, установить правила, которые не изменялись бы часто, устранить ненужные препятствия и таким образом повысить эффективность. Организующая, руководящая роль государства должна осуществляться на общем уровне, недопустимо вмешиваться

в детали... В сфере экономической деятельности государство не является конкурентом гражданина, напротив, государство — помощник, предоставляющий услуги и обеспечивающий развитие». Следующий подраздел «Роль индивида в экономическом развитии» провозглашал: «Наиболее высокие темпы и наиболее эффективные формы роста производства товаров и услуг обеспечиваются в рамках экономической системы, которая рассматривает в качестве своего основного элемента предпринимательские способности индивида». Наконец, в следующем подразделе «Основы экономической политики» резюмировалось: «Для того, чтобы обеспечить развитие экономики на основе присущих ей естественных законов, мы отдаем предпочтение системе, в рамках которой было бы минимизировано вмешательство государства и на основе конкуренции реализовывались бы принципы рыночной экономики». Логику данного тезиса поддерживало содержавшееся в подразделе «Государственные экономические организации» (ГЭО) заявление о том, что будет производиться постепенное акционирование отдельных производственных предприятий, входящих в структуру ГЭО, а затем их акции будут предложены гражданам для покупки. Таким образом, речь шла о начале приватизации государственной производственной собственности.

Особое значение в декларации отводилось экспорту. Значение его роста отмечалось многократно. В подразделе «Основы экономической политики» подчеркивалась роль экспорта в стабилизации состояния платежного баланса страны наряду с такими методами, как расширение подрядно-строительной деятельности за рубежом и развитие туризма. В этой связи планировалось поощрение всех названных видов экономической деятельности как обеспечивающих приток валюты в страну. Кроме того, раздел декларации «Экономическая политика» содержал и специальный подраздел «Экспорт», в котором, исходя из того, что «экспорт занимает очень важное место в экономической политике

страны», предлагались наиболее важные меры его поддержки, а именно, облегчение для экспортеров доступа к внутренним и внешним источникам финансирования, информационная поддержка экспортеров, контроль за качеством производимой продукции, упрощение импорта компонентов экспортной продукции и др.

Таким образом, очевидно, что экономические амбиции Тургута Озала простирались гораздо далее того, чтобы стать популярным премьером сегодняшнего дня. В перспективе Озалом замышлялась глубокая структурная перестройка турецкой экономики, смысл которой сводился к приданию ей за счет использования механизмов рынка международной конкурентоспособности и продвижению турецкой продукции на внешние рынки. Иными словами, речь шла о повторении вдохновляющего опыта новых индустриальных стран (НИС) первой волны, которые впечатляющим образом смогли преодолеть надвигающийся кризис стратегии импортзамещения, сохранить высокие темпы роста посредством перехода к стратегии экспорториентированного роста и активного выхода на зарубежные рынки.

Страны НИС включились в международную конкуренцию, используя поначалу сравнительные преимущества в трудоемких производствах, таких как текстильное, кожевенное, где шансы на успех имела и Турция. О влиянии экономической идеологии первой волны НИС на экономическую концепцию Тургута Озала, свидетельствует заимствование им важных стратегических идей предвыборной декларации: это прежде всего развитие, опирающееся на экспорт трудоемкой продукции, а также роль государства, являющегося в сфере экономики не игроком, а наблюдателем и судьей. Приемственность просматривается также и в использовании тактических приемов НИС, в первую очередь Южной Кореи при проведении в жизнь новой стратегии развития, например, создание в целях успешной экспортной экспансии крупных специализированных внешнеторговых компаний. Об этом же свидетельствуют

и предпринятые в последующем многими турецкими исследователями попытки сравнить опыт экономического развития Южной Кореи и Турции. Например, З. Ониш в ходе подобного сопоставления неоднократно называет Южную Корею «государством-прототипом», а восточноазиатскую модель экономического развития — «моделью-прототипом»¹².

Японский исследователь М. Соката писал, оценивая «восточноазиатское чудо», что «...экономисты, восхищаясь экономическими успехами этих стран, закрывают глаза на факт существования в них диктатуры или авторитарного режима, оправдывая это тем, что сильное государство было необходимо для мобилизации ограниченных ресурсов, их наиболее эффективного использования в интересах нации и для контроля за частным капиталом в целях экономического роста. Быстрый экономический рост в странах восточноазиатской модели не был случайностью, он был тесно связан с существованием диктатуры»¹³.

Тургут Озал в этом смысле «держал глаза открытыми»: он отдавал себе отчет, что успех задуманных им структурных преобразований в экономике во многом зависит не столько даже от концентрации власти в руках государства в целом, сколько от соединения решающих экономических рычагов в его (Озала. — *Н.У.*) руках. Именно в силу данного обстоятельства весьма часто в работах турецких авторов можно встретить оценку методов деятельности Озала на посту премьер-министра как авторитарных. Р. Акар, автор очерка о Тургуте Озале в книге «Турция в биографиях ее лидеров», отмечал: «Озал, защищая либерализм в экономике, в политике продолжал придерживаться авторитарной концепции». При этом Р. Акар ссылаясь на разъяснение данного тезиса, которое дал сам Озал в 1987 г. в своем публичном выступлении: «Вначале следует экономику освободить от запретов, сделать ее действительно свободной. Усилив таким образом экономику, следует закрыть пути получения денег из воздуха. Параллельно с этим будет развиваться и демократия.

Разве на Западе демократия имеет какие-либо иные основы, кроме либеральной экономики? В условиях «черного рынка» и очередей демократию не создашь. Для демократии необходимо поставить экономику на ноги»¹⁴. Таким образом, Озал не испытывал особо больших сомнений в выборе методов действия даже в случае, когда их характер не являлся в полной мере демократическим. Конечно, подобный подход ставил под угрозу популярность экономической политики, но Озал во многом сумел отвести угрозу, успешно использовав открывшийся простор для применения прекрасно освоенного им искусства балансирования между группами интересов.

По мнению турецкого исследователя М. Сонмеза, наиболее одиозной формой «монополизации» Тургутом Озалом системы управления экономикой стала система внебюджетных фондов. Эти фонды представляют собой государственные учреждения, наделенные правом использовать средства, перечисляемые на специальные находящиеся в их распоряжении счета. Расходы внебюджетных фондов не входят в число стандартных расходных статей бюджета, а являются своего рода дополнением к обычным расходам. Перечисление средств на счета фондов производится с целью реализации определенного социального или экономического проекта, финансирование которого, будучи актуальным, не предусмотрено стандартными бюджетными расходами. Средства для деятельности внебюджетных фондов аккумулируются за счет налогов (некоторые из которых вводились специально) или налоговых поступлений, переадресовывавшихся из бюджета, бюджетных трансфертов, внутренних и внешних займов. Особенность использования средств внебюджетных фондов заключалась в том, что в ряде случаев они не контролировались турецким парламентом — меджлисом, который осуществляет практику ежегодного утверждения посредством голосования объемов использования бюджетных средств по основным (стандартным) направлениям.

Первый внебюджетный фонд был создан в Турции в 1941 г. К 1990 г. их число достигло 104, при этом 61 фонд был создан после 1980 г. Это означает, что если за время до 1980 г. ежегодно в среднем создавалось не более 1 фонда, то за 10 лет после 1980-х годов аналогичный показатель составлял 6. Особенно процесс ускорился в первые годы правления Партии Отечества, когда за 1984–1985 гг. было создано 24 фонда¹⁵. Турецкий экономист М. Сонмез, рассматривая систему фондов как один из краеугольных камней экономической политики правительства ПО и подчеркивая при этом весьма специфическую систему их подчинения, писал: «Таким образом, помимо консолидированного бюджета, находившегося в распоряжении меджлиса, возник «бюджет фондов», которым преимущественно распоряжалось Управление по делам премьер-министра»¹⁶. Возникновение «бюджета фондов» М. Сонмез напрямую связывал с тем обстоятельством, что занимавший в 1984–1989 гг. пост премьер-министра Тургут Озал в целях концентрации властных полномочий в своих руках и личного контроля на решающих направлениях нуждался в укреплении собственных финансовых возможностей. С этой целью он не только развил систему фондов, ставшую отличительной особенностью системы государственных финансов 1980-х годов, но и в значительной мере подчинил ее себе. По оценкам М. Сонмеза, Озал удерживал под контролем до 90% средств, аккумулированных в фондах, которые действовали вне законодательного регулирования и в итоге превратились в своего рода «теневую казну». Система контроля осуществлялась через подчиненные лично премьеру организации, в частности через Казначейство¹⁷, Государственную организацию планирования и правления наиболее крупных фондов. Описывая ситуацию, сложившуюся в системе государственных финансов, М. Сонмез писал: «Недоступный для законодательного контроля и находившийся в распоряжении Озала “бюджет фондов” постепенно рос. К 1990 г. доходы фондов составляли 71% доходов консолидированного бюджета»¹⁸. По

нашим подсчетам, для 12 крупнейших фондов это отношение в 1990 г. составляло 33,5%¹⁹.

Каким же целям служил так называемый альтернативный бюджет? Официально этими целями были поощрение экспорта, повышение степени открытости экономики, развитие фондового рынка, осуществление приватизации, поддержка мелких предпринимателей. Более полно о приоритетах в использовании Тургутум Озалом системы внебюджетных фондов можно судить по названию и направлению деятельности наиболее крупных из них. М. Сонмез выделяет 12 наиболее мощных из 104 фондов, из которых лишь 2 были созданы до 1980 г. По данным на 1990 г., на эти фонды приходилось около 60% от общего объема средств, выделенных всем фондам. В 1984 г. сумма средств, поступавших в их распоряжение, составляла 1,1% ВВП, в 1986 г. — 6%, а в 1990 г. — 8%²⁰. В число 12 наиболее крупных внебюджетных фондов вошли следующие: общественного акционирования, созданный в 1984 г., жилищного строительства (1984), развития и поддержки (1985), налога на потребление топлива (1984), развития и поддержки военной промышленности (1985), совершенствования управления доходами (1986), развития службы здравоохранения (1987), поддержки и стабилизации цен (1984), поддержки использования ресурсов (1984), разведки и поиска нефтяных месторождений (1973), стабилизации цен на топливо (1960), образования и здравоохранения (1989). Среди этих фондов явными лидерами по масштабу используемых средств были Фонд общественного акционирования и Фонд жилищного строительства. Так, в период с 1988 по 1990 г. фонды-лидеры аккумулировали от 36 до 41% суммарных средств, пришедшихся на 12 крупнейших внебюджетных фондов²¹.

Фонд общественного акционирования аккумулировал средства от продажи частным владельцам объектов государственной собственности, его средства предназначались для

финансирования строительства крупных инфраструктурных объектов общенациональной значимости.

Фонд жилищного строительства своими средствами должен был решить проблему дефицита жилья в быстрорастущих городах. Финансирование Фонда предполагалось обеспечить посредством перечисления на его счет фиксированной части банковских депозитов. В последующем был введен специальный дополнительный налог на импорт, перечислявшийся в пользу Фонда. По замыслу Тургута Озала, будущему владельцу жилья надлежало первоначально оплатить лишь 10% его стоимости, в объеме остальных 90% планировалось предоставлять льготные кредиты.

Направления деятельности двух наиболее крупных фондов как нельзя более четко характеризуют основной принцип экономической политики Озала, заключавшийся в сочетании беспроигрышных популярных мер с необходимыми мерами структурной перестройки экономики. Решение жилищного вопроса в турецких городах, которое лично контролировал Тургут Озал и Фонд жилищного строительства, шло одновременно с планомерной и последовательной деятельностью по приватизации объектов государственной собственности в промышленности и инфраструктуре. С учетом традиционно патерналистских функций государства в экономике страны приватизацию следовало, скорее, расценивать как рискованное направление экономической политики. Но, во-первых, возможное раздражение и опасения избирателей в какой-то мере могли быть нейтрализованы реальными перспективами решения жилищного вопроса. Во-вторых, приступив к приватизации, Озал избрал тактику постепенного и неспешного достижения результата и сумел виртуозно придать экономической необходимости толику желаемости.

За предыдущие десятилетия накопились приобретенные характер эндемических проблемы в функционировании государственных предприятий — избыточная занятость, низкая эффективность производства и т.д. Это обременяло бюджет

и одновременно выступало дополнительным фактором роста государственного внутреннего и внешнего долга. Таким образом, и оздоровление госфинансов, и тем более создание новой экономической структуры, в рамках которой государство отказалось бы от производственных функций, требовали начала процесса приватизации. Что касается формирования позитивного общественного отношения к процессу перехода в частные руки государственной собственности, то отсутствие в турецком обществе единодушия по вопросу о его целесообразности требовало сдержанности и использования на первом этапе крайне мягких по формам и ограниченных по масштабам изменений в системе собственности.

В феврале 1984 г. был опубликован Закон №2983 о поощрении сбережений и развитии государственных инвестиций. Закон предусматривал право государственных предприятий выпускать в продажу сертификаты долевого участия в прибыли, акции, а также передачу частным лицам права временного использования их мощностей. Турецкие исследователи обращали внимание, в первую очередь, на предоставленные новым законом возможности для участия частных лиц в прибылях государственных объектов, а также для аренды производственных мощностей²². В то же время положения относительно права государственных предприятий на выпуск и продажу акций не были достаточно детально проработаны.

Сведение практической значимости закона к двум вышеупомянутым пунктам, не предусматривавшим смену форм собственности, позволило турецкому исследователю Х. Дживизоглу прокомментировать его как акт, в котором «вопрос о праве собственности остался нерешенным»²³. Турецкий экономист Р. Карлук отмечал, что как право участия в прибылях, так и аренда мощностей государственных предприятий «тесно связаны с приватизацией»²⁴. Из данной оценки следует, что эти меры были неравнозначны собственно приватизации. Таким образом, следует отметить ограниченность

законодательных нововведений с точки зрения пересмотра системы собственности.

С. Шакер — исследователь из Египта, проработавшая несколько лет в Турции советником посольства АРЕ по экономике, комментируя решение о продаже сертификатов долевого участия в прибыли государственных предприятий, отмечала: «В конце 1984 г. Озал и его сторонники решили протестировать популярность идеи приватизации. Ценные бумаги, обеспечивавшие право участия в прибыли от эксплуатации моста через Босфор и Кебанской плотины, были полностью проданы 15 тысячам местных инвесторов. Это событие широко комментировалось официальными лицами и прессой как “свидетельство того, что приватизация в Турции имеет многообещающие перспективы”. Вся акция была “пробным шаром” для более решительных действий в последующем. Первый широко разрекламированный успех придал уверенности правительству Озала, которое в это время совместно со Всемирным банком разрабатывало масштабный план приватизации»²⁵.

Следующим важным законодательным актом, принятым в целях развития процесса приватизации, стал закон №3921 от 3 июня 1986 г. Особенность закона состояла в том, что в нем впервые были определены методы осуществления приватизации:

- частичная или полная прямая продажа предприятий государственной собственности;
- продажа частным лицам акций государственных предприятий;
- сдача в аренду предприятий, являющихся государственной собственностью;
- передача частным лицам права эксплуатации государственных предприятий;
- безвозмездная передача или ликвидация государственных предприятий.

Турецкие исследователи единодушно отмечали, что часть этих методов представляла собой действия, опять же «лишь

напоминавшие приватизацию»²⁶. Таким образом, прослеживалось стремление властей по возможности смягчить формулировки, связанные со столь волнующим общественность вопросом, как смена форм собственности.

Анализ приватизационного процесса в Турции свидетельствует о том, что в 80 — начале 90-х годов была проведена в основном приватизация тех предприятий, которые имели смешанную форму собственности и для которых переход в частные руки сводился к продаже незначительного пакета государственных акций²⁷. Журнал Стамбульской промышленной палаты подтверждает подобную оценку: «В период с 1985 по 1994 г., за исключением цементных фабрик государственной компании ЧИТОСАН, были приватизированы лишь предприятия, в структуре капитала которых доля государства не являлась преобладавшей»²⁸. С другой стороны, началась и реализация акций некоторых крупных государственных предприятий (ПЕТКИМ, ТЮПРАШ), но проданная доля оставалась весьма незначительной. Не только законодательно, но и на практике власти следовали по пути проведения относительно мягких преобразований.

С. Шакер, анализируя приватизацию в Турции на начальных этапах, писала: «...Правительство Озала выбирало первых кандидатов на приватизацию не на основе критериев доходности для правительства или с учетом позитивного воздействия на распределение доходов, а исходя из того, какие предприятия будет относительно легко приватизировать, не вызывая бурных дебатов». И далее: «Оппоненты политики экономических реформ расценивали планы Управления общественного акционирования²⁹ как вполне реальные, поскольку они исходили из того, какие предприятия будет легче продать, а не из соображений экономической целесообразности. Другими словами, цель Управления состояла в том, чтобы обеспечить прохождение идеи приватизации через парламент и ее поддержку в обществе. Поэтому предлагалось приватизировать прибыльные предприятия и исключить из приватизации

чувствительные сферы, в которых государственный контроль продолжал оставаться решающим, такие, например, как военная и добывающая промышленность»³⁰.

В рассматриваемый период для реализации доли государства в акционерном капитале смешанных предприятий широко использовался метод продажи акций частным лицам. Продажа шла по двум схемам: продажа пакета (блока) акций на первичном рынке крупному частному акционеру (стратегическому инвестору) или продажа акций сравнительно многочисленной группе мелких акционеров, в том числе работникам предприятий и населению. Обе схемы использовались как по отдельности, так и в комбинации. При этом турецкий исследователь О. Эртуна отмечал, что большая часть продаж акций населению пришлось именно на 1990–1991 гг.³¹ Таким образом, при реализации государственной собственности делалась попытка учесть интересы как потенциальных крупных частных собственников, так и по возможности значительной части населения, что опять-таки должно было повысить популярность идеи приватизации в турецком обществе.

Лишь после 1993 г. в Турции получила сравнительно широкое распространение прямая продажа государственных производственных фондов. Данная форма приватизации в меньшей мере отвечала лозунгам социальной справедливости и означала переход к более радикальным изменениям в системе собственности.

За период с 1986 по 1993 г. за счет средств Фонда общественного акционирования было профинансировано строительство 1426 километров автодорог (7,2 млрд. долл.), 25 дамб и гидроэлектростанций (2,2 млрд. долл.). Кроме того, Фонд инвестировал на сумму свыше 500 млн. долл. в регионы приоритетного развития, в том числе на цели реализации проекта Юго-Восточной Анатолии³². Пропаганда деятельности Фонда в сфере финансирования общенационально значимых объектов инфраструктуры занимала весьма важное место в государственной приватизационной политике

в 1980-е — начале 1990-х годов. Увязка начавшегося процесса приватизации с реализацией проектов, очевидно, также была нацелена на повышение общественного статуса идеи смены форм собственности.

Из списка остальных 12 фондов отметим *Фонд поддержки и стабилизации цен*. Он был создан с целью проведения премиальных выплат экспортерам некоторых видов товаров. Субсидии Фонда предназначались для финансирования маркетинговых исследований, инвестиций экспортной направленности и страхования экспортных рисков. Поначалу выплаты из Фонда распространялись на 45 наименований экспортных товаров, из которых 24 являлись продукцией обрабатывающих отраслей, к 1989 г. число товаров возросло до 122³³. Таким образом, цель данного Фонда состояла в формировании стратегически важного нового экспортного направления экономики. Кстати, с этой же целью в 1984 г. был создан и Фонд поощрения экспорта, но он не вошел в число крупнейших.

Некоторые фонды из числа 12 имели социальную направленность, например *Фонд развития службы здравоохранения* и *Фонд образования и здравоохранения*. Другие имели стратегическую направленность, например *Фонд разведки и поиска нефтяных месторождений*, *Фонд развития и поддержки военной промышленности*. Но так или иначе, и в этой группе фондов соблюдался баланс между расходами социального характера и расходами, нацеленными на поддержание стратегически важных старых и создание новых отраслей или поддержку новых направлений деятельности в рамках структурной перестройки экономики.

Приверженность Озала к использованию полуавторитарных методов управления подтверждается и тем фактом, что он довольно неохотно отказывался от ограничений, которые правительство военных, находившееся у власти в 1980–1983 гг., наложило на рабочее движение. На руку Тургуту Озалу был и пятилетний запрет на политическую деятельность для ее наиболее значимых до 1980 г. политических лидеров. Турецкая

исследовательница А. Бугра в качестве одной из основных особенностей премьерства Тургуту Озала отмечала наличие серьезных препятствий для деятельности рабочих организаций в силу оказывавшегося на них значительного политического и идеологического давления. Только после 1988 г. в Турции появились возможности для активизации забастовочного движения. Основания опасаться недовольства наемных рабочих у правительства Озала были: премьер твердо придерживался линии на снижение реальной заработной платы. Подобная тактика диктовалась опытом новых индустриальных государств: низкая доля потребления в ВВП — 42–44% — и по сей день остается одной из макроэкономических характеристик таких стран как, например Малайзия и Сингапур. Необходимость ограничить рост стоимости рабочей силы была более чем очевидна в условиях перехода к экспортноориентированной стратегии роста, основанной на вывозе трудоемких товаров. На мировом рынке конкурентоспособность малоизвестной и часто еще не в полной мере соответствовавшей его требованиям по уровню качества продукции могла обеспечить лишь низкая цена. От тактики снижения реальной заработной платы правительство Озала отказалось лишь однажды в сугубо популистских целях в 1987 г., который стал годом очередных парламентских выборов. В итоге А. Бугра констатировала, что за период с 1978–1979 гг. по 1988 г. рост реальной заработной платы в промышленности на 32% отстал от роста потребительских цен³⁴. По оценкам турецкого исследователя К. Боратава, реальная заработная плата в 1988 г. при расчете по потребительским ценам была на 18% ниже, чем в 1983 г.³⁵

Действительно, глубокие структурные изменения в экономике неизбежно означают изменение баланса ее составляющих, усиление отдельных отраслей и групп экономических агентов, то есть — появление новых фаворитов экономической политики, равно как и «забытых» секторов и электральных групп. Данное обстоятельство сильно осложняло

поддержание имиджа популярного премьера. Но, придерживаясь в сфере оплаты труда политики, которая, казалось бы, не оставляла шансов на поддержку со стороны наемных работников, Тургут Озал сумел найти некие механизмы для обеспечения баланса интересов. К. Боратав отмечал, что период правления Озала стал годами, когда в отношении трудящихся проводилась политика «однобокого» популизма. Эта политика была, в первую очередь адресована городской бедноте. Успех ее проведения во многом был обеспечен тем обстоятельством, что на протяжении 1984 г. значительная часть муниципалитетов перешла под более или менее полный контроль Партии Отечества. Суть этой политики заключалась в том, что переселенцы из сельской местности (которые стихийно возводили «геджеконду», считавшиеся ранее незаконными постройками), теперь получали права на владение недвижимостью или же в их интересах проводились юридические амнистии по фактически появившемуся жилью. Им даже выдавались разрешения на строительство, не предусмотренное планами развития городов. Цель этой политики заключалась в том, чтобы, «лишив эту массу жителей собственного классового сознания, создать из них многочисленную группу поддержки программы и идеологии капитала»: читай Партии Отечества³⁶.

Р. Акар, как и Боратав, обратил внимание на особенность политики Озала в отношении «геджеконду». Он писал: «С точки зрения наемных рабочих более предпочтительным по сравнению с повышением заработной платы, которого можно было бы добиться в профсоюзной борьбе, оказались дополнительные этажи, строительство которых стало возможным благодаря получению свидетельств о праве на владение недвижимостью в геджеконду»³⁷.

Так как Тургут Озал стремился к максимальному сосредоточению полномочий по принятию решений в сфере экономической политики в своих руках, то с 1984 г. вполне предсказуемо прекратилось кредитное сотрудничество Турции с МВФ. Твердая установка Озала на следование своим, более

разнообразным экономическим целям, нежели рекомендованное МВФ последовательное фискальное сдерживание, привела к росту бюджетного дефицита. Последнее обстоятельство и побудило МВФ прекратить сотрудничество с правительством Озала. Но, видимо, такое развитие событий не расценивалось премьером отрицательно, так как эти отношения выступали в качестве недопустимого ограничения в достижении стоявших перед его правительством весьма разноплановых экономических задач. Как писала исследователь Е.И. Уразова, требования МВФ были неприемлемы для правительства Тургута Озала, которое любой ценой стремилось к восстановлению высоких темпов роста, одновременно расширяя социальное маневрирование³⁸.

Но масштабные экономические амбиции Озала-премьера требовали соответствующего финансирования. Тем не менее, налоговая политика правительства, как, впрочем, и в других сферах экономики, была далека от прямолинейной категоричности и, по возможности, подчинялась цели одновременной адаптации к различным экономическим задачам. С одной стороны, получила развитие система разнообразных льгот при уплате налога на прибыль. Структурная перестройка экономики, по Озалу, требовала повышения инвестиционной активности частного сектора, а значит — и поиска дополнительных мер по ее стимулированию. Поэтому проводившаяся с середины 80-х годов политику турецкий экономист И. Парасыз охарактеризовал как политику стимулирования предложения, направленную на экономическое и организационное укрепление частного сектора. Конкретным проявлением этой политики стало заметное снижение эффективных ставок налога на прибыль компаний в результате применения многочисленных льгот и освобождений от налога тех или иных компонентов прибыли. В итоге, хотя номинальная ставка налога на прибыль компаний в тот период составляла 46%, система налоговых скидок и освобождений позволяла снизить ее до 15%³⁹. В результате если в 1986 г. доходы, мобилизованные

государством через сбор корпоративного налога, составляли порядка 30% от общих поступлений, обеспеченных подоходным налогом, то в 1989 г. этот показатель снизился до 26%, в 1993 г. — до 15%.⁴⁰

Весьма симптоматично, что именно в 1985 г. в Турции был принят закон о введении налога на добавленную стоимость. Макроэкономический смысл введения НДС при снижении налога на прибыль состоит в усилении фискальной роли косвенных налогов, а значит — в изменении структуры использования национального дохода посредством сокращения потребления и роста инвестиций. Таким образом, отмеченные изменения в налоговой сфере имели взаимодополняющий характер и отвечали цели обеспечения приоритета предложения. В 1985 г. было проведено снижение ставок личного подоходного налога. Кроме того, в первые годы действие НДС не распространялось на продовольственные товары массового спроса. Правительством Тургута Озала была введена система возврата налогов для лиц наемного труда, а затем — для мелких предпринимателей и лиц свободных профессий. Таким образом в сфере налогообложения правительство Озала «продолжало расширять арсенал средств социального маневрирования»⁴¹.

При неоднозначной эффективности налоговой политики правительства Озала важную роль в успешном экономическом развитии Турции после кризиса конца 1970-х годов сыграли средства извне. Поступавшие в страну, несмотря на разрыв кредитного сотрудничества с МВФ, эти средства позволяли сдерживать темпы девальвации лиры и обеспечивали поддержку довольно высоких темпов экономического роста.

На рубеже 70–80-х годов страны Латинской Америки, как и Турция, столкнулись с проблемой долгового кризиса. Однако латиноамериканским государствам не удалось привлечь необходимые иностранные ресурсы. В результате они были вынуждены пойти по пути девальвации национальной валюты и сокращения импорта с тем, чтобы обеспечить

положительное сальдо текущих платежей и аккумулировать внутри своих экономик средства для погашения внешней задолженности. Поэтому темпы экономического роста в этих странах заметно снизились, а в отдельные годы были отрицательными. Но Турции кредиты международных финансовых организаций и государств — политических партнеров позволили избежать неблагоприятного сценария, пережитого латиноамериканскими странами. По мнению турецких экономистов, решающее значение в обеспечении значительного притока капитала в Турцию после 1980 г. сыграли геополитические факторы: стратегическое положение и роль Турции на Ближнем Востоке, а также ее членство в НАТО⁴².

Среди развитых стран основным кредитором Турции в 1980-е годы были США: к середине 1980-х годов их военная и экономическая помощь ей ежегодно достигала 700–800 млн. долл. Финансовые отношения с ЕЭС были осложнены в рассматриваемый период противодействием Греции, которой удалось ограничить объем средств, выделенных Турции по четвертому финансовому протоколу, 10 млн. долл. Но финансовое взаимодействие со странами Европы развивалось более успешно в рамках двусторонних межправительственных кредитных соглашений, в первую очередь с ФРГ. Важным источником финансирования для Турции в годы правления Партии Отечества являлись международные финансовые организации, в частности Всемирный банк. В конце 1971–1973 гг. Т. Озал работал советником этой организации, что, видимо, сыграло свою роль в том, что после прихода к власти возглавлявшегося им гражданского правительства Банк существенно расширил кредитование Турции: в 1984/85 г. было предоставлено 698,5 млн. долл. для финансирования шести проектов, при этом Турция вышла на третье место (после Индии и Бразилии) по объему полученных средств; в 1985/86 сумма займов составила 1507 млн. долл., а в 1986/87 г. — 1150 млн. долл.⁴³

Рост экспорта в 1980-е годы и стремительное увеличение в его структуре промышленной составляющей, наряду с отсутствием проблем с возвратом внешнего долга, способствовали повышению кредитоспособности Турции на международных финансовых рынках, открыв ей путь к получению кредитов на коммерческой основе. В 1986 г. международное инвестиционное агентство «Sacsh» отметило Турцию как единственную страну, которая, пережив долговой кризис, восстановила свой рейтинг кредитоспособности и смогла привлекать кредиты на коммерческой основе⁴⁴.

Какими же были экономические итоги деятельности первого правительства Тургута Озала? Они оказались столь же противоречивыми, как и проводившаяся им экономическая политика. Прежде всего наблюдалось заметное оживление экономического роста, составившего в 1984–1987 гг. 7% в год против 4% за период с 1981г. по 1983⁴⁵. Среднегодовые темпы роста экспорта за годы правления первого правительства ПО составили 11,7%⁴⁶.

В стране благодаря деятельности Фонда жилищного строительства набирали темпы возведение жилья. Если в период 1982–1983 гг. выдавалось в год порядка 150 тыс. разрешений на строительство, то в 1987 г. — 500 тыс.⁴⁷ В период с 1984 по 1989 гг. льготными кредитами Фонда воспользовались 640 тыс. застройщиков, в результате чего было построено 333,6 тыс. квартир⁴⁸. Суммарные капиталовложения через внебюджетные фонды, в том числе Фонд общественного акционирования, в 1987 г. превысили 10% от общего объема государственных инвестиций. «Таким образом, в развитии внебюджетных фондов правящие круги нашли действенное средство не только стимулирования и укрепления всех видов предпринимательства путем кредитования и субсидирования, обеспечения инфраструктуры, но и достаточно эффективный инструмент социального воздействия»⁴⁹.

С 1987 г. структурная перестройка экономики из области целевых установок перешла в область практических

изменений: впервые с начала 1980-х годов доля инвестиций частного сектора в суммарном объеме инвестиций в основной капитал, достигнув 60%, превысила объем государственных. В последующие годы данная тенденция уверенно закрепилась в турецкой экономике. При этом решающую роль в активизации инвестиционной деятельности частного сектора и повышении темпов роста экономики, по всей видимости, сыграло быстрое наращивание объема капиталов, направлявшихся в сферу строительства: их удельный вес в общем объеме инвестиций частного сектора вырос с 29% в 1983 г. до 45,7% в 1987 г., в последующие два года данный показатель превышал 50%. Правда, при этом относительно меньший интерес турецких предпринимателей стали вызывать инвестиции в обрабатывающую промышленность: их удельный вес снизился с 33% в 1983 г. до 25% в 1987 г. и 20% в 1989 г.⁵⁰

В экономике страны обозначились и негативные тенденции. Смещение с введением НДС акцента в распределении налогового бремени с производителей на потребителей не обеспечило существенного повышения налогового перераспределения ВВП: за 1980–1984 гг. этот показатель с учетом отчислений в фонды социального страхования составил 16,6%, а в 1985–1987 гг. — 17,4%⁵¹. Перенос центра тяжести на косвенные налоги в условиях низкой покупательной способности подавляющего большинства населения не смог обеспечить требуемой эффективности налоговой системы. Тем не менее, деятельность правительства, в том числе связанная со структурной перестройкой экономики, оставалась весьма активной, требуя значительных расходов. Если отношение суммарных государственных расходов к ВВП в конце 1983 г. составляло 23,8%, то в 1990 г. — 28,3%⁵². В итоге дефицит консолидированного бюджета относительно ВВП неизменно превышал рекомендованные МВФ 1,5%: в 1984 г. он составил 4,5%, в 1985 г. — 2,6%, в 1986 г. — 3,1%, а в 1987 г. — 3,4%. Для всей системы госфинансов это отношение было еще более существенным: его минимальное значение в рассматриваемый

период составило 3,6% ВВП в 1985 г., а максимальное — 6,1% в 1987 г.⁵³

В поисках источников финансирования дефицита госфинансов правительство было вынуждено прибегать к неоправданному увеличению денежной массы. Как отмечал экономист И. Кавракоглу, вопреки провозглашению «политики жестких денег» объем эмиссии с 1983 по 1989 г. увеличился более чем в 12 раз, с 730 млрд. тур. лир до 8,5 трлн.⁵⁴ В результате заметно усилился инфляционный фон развития экономики страны: среднегодовой уровень инфляции в 1984–1987 гг. составил 43%⁵⁵. Довольно скоро стало ясно, что Озал-экономист и Озал-действующий политик — не одно и то же: если Озал экономист всегда подчеркивал важность контроля за инфляцией, то политик хотел скорейшего экономического роста⁵⁶. Внешний долг страны вырос с 18,8 млрд. долл. в 1983 г. до 40,3 млрд. долл. в 1987 г., или с 30,2% ВВП до 45,9% ВВП⁵⁷.

Нерешенность проблемы инфляции стала одной из основных экономических проблем, снизивших популярность Партии Отечества на очередных парламентских выборах 1987 г., когда она сумела набрать 32,7% голосов против 43% на выборах 1983 г.⁵⁸ Тем не менее, Озалу вновь удалось возглавить кабинет министров. Но цены продолжали расти: годовой уровень инфляции, по состоянию на начало января 1988 г., достиг 60%, а по состоянию на июнь 1988 г. — уже 67%. Поэтому правительство было вынуждено предпринять очередную попытку повысить сбалансированность государственных доходов и расходов. Некоторые успехи в этом отношении были достигнуты: дефицит системы госфинансов по итогам 1987 г. составил 4,8% ВВП. Но снижение темпов роста денежной массы привело к сжатию внутреннего рынка и сокращению темпов роста в 1988 г. до 1,5% против 9,8% в 1987 г. При этом антиинфляционный эффект экономической политики не был достигнут: среднегодовой уровень инфляции составил почти 70%⁵⁹. Экономика страны вступила в период

стагфляции: падение темпов роста производства сопровождалось дальнейшим развитием инфляционного процесса. Главным «виновником» инфляции, сопряженной со спадом, стала инерция хозяйственных агентов: опыт предшествующих лет жизни в условиях постоянного роста цен убеждал в правомерности ожидания дальнейшего удорожания использовавшихся факторов производства. Поэтому устойчивые инфляционные ожидания продолжали тянуть цены вверх даже некоторое время спустя после предпринятых мер по ограничению прироста денежной массы.

До конца 80-х годов Турция продолжала удивлять темпами роста стоимостных объемов экспорта. Одновременно заметные позитивные сдвиги наблюдались и в его структуре: в 1990 г. доля промышленных товаров в экспорте Турции составляла уже около 75% против 36% в 1980 г.⁶⁰ Однако в 1989 г. произошло падение стоимости экспорта. И хотя его абсолютные размеры не были значительны, тем не менее, в отличие от эпизодических снижений экспорта, имевших место в предшествовавшие годы и объяснявшихся колебаниями конъюнктуры мирового рынка, снижение 1989 г. грозило перерасти в долгосрочную тенденцию. Дело в том, что высокие темпы роста экспорта на протяжении 80-х годов в большой мере обеспечивались за счет субсидирования экспортеров государством. Дальнейшее проведение этой политики становилось невозможным в связи с принятием Турцией обязательств в рамках Генерального агентства по тарифам и торговле (ГАТТ) и подготовкой к образованию таможенного союза с ЕС. Сокращение объемов финансовой поддержки экспортеров в конце 80-х годов стало основной причиной последующего снижения темпов роста экспорта.

Таким образом, к концу 80-х годов экономика Турции столкнулась с двумя проблемами: наступлением периода стагфляции и возникновением сложностей в дальнейшем наращивании объемов экспорта. Если в качестве быстрого выхода из состояния стагфляции экономическая теория

предлагает обращение государства к проведению стимулирующей фискальной политики — политике увеличения государственных расходов, то снижение темпов роста экспорта еще более актуализировало переход к модели развития, в большей мере ориентированной на емкость внутреннего рынка. В результате со второй половины 1989 г. правительство пошло по пути увеличения реальной заработной платы, расширения внутреннего рынка и поддержания экономического роста за счет не только и не столько экспорта, но и внутреннего спроса.

Кроме названных выше причин внесения изменений в стратегию экономического роста следует обратить внимание на некоторые дополнительные факторы. З. Ониш подчеркивал, что политика длительной поддержки экспорта к концу десятилетия привела к усилению антиправительственных настроений у части экономических агентов, интересы которых были связаны с внутренним рынком, прежде всего у национальной промышленной буржуазии, не занимавшейся экспортными операциями, и сельских производителей, положение которых ухудшилось из-за ослабления финансовой поддержки аграрного сектора. Важную роль в пересмотре экономической политики в конце 80-х годов сыграл и процесс реставрации демократического режима, в результате чего в 1991 г. начался новый раунд борьбы профсоюзов, когда в преддверии парламентских выборов они настойчиво требовали повышения реальной заработной платы⁶¹. Давление на власти по вопросу заработной платы З. Ониш рассматривал как «важный фактор на макроэкономической арене». Серьезность подобных требований он объяснял наличием в Турции институциональной структуры, в рамках которой, по крайней мере в государственном секторе экономики, наблюдалось фактическое доминирование профсоюзов. Суммируя сказанное, З. Ониш констатировал сложность проведения политики экспортно-ориентированного развития в стране, подобной Турции, с емким внутренним рынком. По его мнению, усиление в начале 90-х

годов позиций Партии верного пути (ПВП) — основного политического конкурента Партии Отечества — и приход ПВП к власти в начале 90-х были связаны именно с тем, что ей удалось привлечь голоса части экономически активного населения, испытавшей на себе негативные последствия экспортоориентированного развития, а именно: промышленной буржуазии, связанной с внутренним рынком, значительной доли наемных работников и производителей сельхозпродукции⁶².

В итоге 1989 г. оказался поворотным моментом в макроэкономической политике Турции. Правительство встало на путь проведения стимулирующей политики: реальная заработная плата стала расти, а дисбаланс в системе госфинансов — усиливаться. Между тем стремление повысить темпы роста экономики посредством расширения емкости внутреннего рынка отодвинуло на второй план задачу снижения инфляции: речь шла уже не столько о балансе между темпами роста и макроэкономической стабильностью, сколько о безоговорочном выборе правительства в пользу первых. И, видимо, совсем не случайно уход Озала с поста премьер-министра в конце 1989 г. совпал с изменением самого стиля экономической политики: искусство виртуозного компромисса бывшего премьера, сочетавшее популистские уступки со стратегическим курсом на структурную перестройку экономики, сменилось безоговорочным и опасным по своим последствиям экономическим популизмом конца 1980 — начала 1990-х годов. Отныне не удавалось достичь договоренности с профсоюзами и сдержать их натиск в борьбе за повышение заработной платы. Турецкое общество не желало больше внимать призывам элиты к затягиванию поясов. Политика популизма, проявившаяся в заметном росте реальной заработной платы, не только не сопровождалась модернизацией экономики, но, напротив, привела к опасным диспропорциям в финансовом секторе, за которые Турция поплатилась несколькими финансово-экономическими кризисами.

Таким образом, после ухода Озала с поста премьер-министра ситуация в экономике Турции заметно изменилась: достигнутый его большим трудом и незаурядным умением баланс интересов сменился обострением противоречий между обществом и властью, на что уступавшие ему в политической искушенности новые премьеры отвечали лишь ошибочными с точки зрения долговременной экономической стратегии послаблениями. Немецкий историк У. Штайнбах связывает возвращение Турции на «популистскую тропу» и с возвращением в 1987 г. «старых политиков», в частности С. Демиреля⁶³. Поэтому следует признать, что успехи экономической политики правительства Партии Отечества во многом были достигнуты благодаря особым личным качествам Озала — его искусству компромисса, политической и экономической прозорливости, наконец, харизматичности. Избиратели, несомненно, отдавали себе отчет в том, что не все обещания были выполнены Озалом, но многие граждане, видимо, «рады были сами обманываться», исходя как из различных форм компенсации своих не оправдавшихся ожиданий в области экономики, так и личной симпатии к Тургуту Озалу. Один из американских дипломатов говорил: «Тургут Озал был прекрасным тактиком. Он блестяще владел искусством социального торга. Он обладал даром политика, вызывавшим восхищение. Он прекрасно умел гладить по шерсти (раздавать шерbet в зависимости от нужды каждого). Он всегда знал, как сказать каждому то, что ему понравится»⁶⁴. Поэтому популизм в исполнении Озала сохранял характер умеренного, превратившись в заслуженную плату за дискомфорт экономических структурных преобразований. Подобного разумного компромисса в экономической политике не удавалось достичь ни до, ни длительное время после Озала.

В июне 1992 г. в Измире состоялся Третий экономический конгресс, на котором Тургут Озал как президент подвел итоги развития страны за десять лет — период, минувший с даты проведения Второго экономического конгресса в 1981

году⁶⁵. Среди основных достижений в разделе своего выступления с названием «Наша экономическая политика была верной, большинство целей достигнуто» Озал назвал:

1. Перевод экономического развития на органично присущие ему законы рыночного регулирования.

2. Повышение предпринимательской роли индивида в рамках свободного рынка.

3. Переход к конвертируемости турецкой лиры.

4. Полная либерализация импорта.

5. Создание банковской системы, способной конкурировать с банками передовых стран мира.

6. Прорыв в развитии инфраструктуры и энергетики, отсталое состояние которых грозило в 1981 г. превратиться в препятствие на пути дальнейшего развития страны.

7. Интенсивное развитие портового хозяйства и аэропортов, что обеспечивало реальную возможность решения проблемы инфраструктуры уже в ближайшие годы.

8. Принципиальное решение проблемы дефицита валюты, который на протяжении последних 150 лет оставался основным препятствием на пути развития турецкой экономики.

9. Завершение в рекордные сроки, составившие 4 года 2 месяца и 15 дней, сооружения силами турецких строителей крупнейшей плотины им. Ататюрка — важной составной части проекта Юго-Восточной Анатолии.

10. Рост доходов от туризма с 300 млн. долл. до 3,5 млрд. долл., что стало возможно благодаря строительству в Турции туристических объектов, превосходящих стандарты западных стран.

11. Увеличение в 5 раз стоимости экспорта, который при этом более чем на 80% представляли пять тысяч наименований промышленной продукции. Таким образом в структуре экспорта в короткие сроки удалось добиться невероятных изменений.

12. Значительные сдвиги в решении проблемы городского жилья.

13. Создание в лице Стамбульской Фондовой биржи реально действовавшего рынка капиталов.

Далее Тургут Озал подвел итоги: «Благодаря этим изменениям Турция, в 1980 г. отстававшая от всех соседних стран, ныне опережает их на 10–20 лет. Сегодня каждый признает тот факт, что Турция является важной региональной политической и экономической силой, способной предоставлять кредитную поддержку и иную помощь, в том числе в сфере образования и технического содействия, своим соседям. Ныне на Турцию советуют равняться». Далее в разделе «Достижения нашей страны являются выдающимися» он отметил: «Для страны, являвшейся еще десять лет назад аграрной, эти достижения — выдающиеся... Турция подает блестящие надежды на то, что сможет добиться еще большего». В разделе «Наша основная цель» президент заявил: «...В предшествующие десять лет основная цель Турции — занять место среди 10–15 передовых стран мира. Турция должна войти в число стран первого класса и может это сделать». Для этого в сфере экономической политики Тургут Озал считал необходимым придерживаться следующих трех принципов:

1. Свободная рыночная экономика.
2. Ограничение доли ВВП, перераспределяемой в пользу государства, тридцатью процентами.
3. Уход государства из таких сфер деятельности, как промышленность и торговля. Для этого необходима приватизация или передача в аренду частным лицам государственной собственности.

В этой речи блистательно проявилась способность Озала акцентировать внимание на положительных сторонах, отвлекаясь от неудач. Он не погрешил против истины, отметив, что большинство амбициозных целей действительно удалось достичь. В тени осталась нерешенная проблема инфляции, однако о ней упоминания в речи президента не было.

Р. Акар отмечал, что среди обещаний Озала, которое и обеспечило его приход к власти, было одно — снижение

инфляции, со второй половины 1970-х годов изматывавшей через дороговизну жизнь народа. Но будучи у власти, Озал не думал об инфляции. Тем не менее, подчеркивал Акар, Озал признавал эту истину без самокритики, скорее просто констатируя ее: «Поскольку за 10 лет мы осуществили трансформацию, требующую 100 лет, мы не смогли удержать под контролем инфляцию. Таково положение вещей»⁶⁶.

Концентрируя свое внимание на успехах и легко относясь к неудачам, Озал сумел настроить на подобную оценку своей деятельности и турецкое общество, заставив его поверить в успешное экономическое будущее. При известной противоречивости итогов экономической политики Озала несомненно одно: отсчет времени сегодняшней Турции — динамичной, современной, активно включившейся в процесс глобализации и занявшей в 2007 г. по объемам валового национального дохода 17-е место в мире, соотечественники Озала ведут именно от его премьерства.

- 1 Показатель, свидетельствующий о высокой степени имущественной дифференциации в обществе.
- 2 Oniş Z. *The State and Economic Development in Contemporary Turkey: Etatism to Neoliberalism and Beyond*. — *Turkey between East and West. New Challengers for a Rising Regional Power*. Oxford, 1996, p. 169.
- 3 Singer M. *Economic development in the context of short-term public policies: the economic advance of Turkey, 1938-1960*. Ankara, 1977, p. 181.
- 4 Singer M. *Economic development.., 1938-1960*, p. 339, 348.
- 5 *Turkish financial history: from the Ottoman Empire to the Present* — Volume II. *From the foundation of Republic to the present*. Istanbul, 1999, p. 245.

- 6 Там же.
- 7 Там же, с. 242.
- 8 Singer M. Economic development., 1938-1960, p. 380–381.
- 9 Kazgan G. Tanzimattan 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. Genişletilmiş 1. Baskı. İstanbul, 2002, s.104.
- 10 Там же, с.113.
- 11 Anavatan Partisi Seçim Beyannamesi. 6 Kasım 1983. — Özal T. Değişim «Blgeleri». İstanbul, 1993, s.77–144.
- 12 Oniş Z. The State and Economic Development in Contemporary Turkey: Etatism to Neoliberalism and Beyond, p. 163, 171.
- 13 Соката М. Государственный капитализм или авторитарный режим: к вопросу о сущности «социалистической рыночной экономики» в Китае. — Вестник Санкт-Петербургского университета, 2003, Сер. 5, Вып. 2 (№ 13), с. 81.
- 14 Akar R. Turgut Özal. Özal'a 488 Yıl Geriden Bakmak. — Homopolitikus. Lider Biografilerindeki Türkiye. İstanbul, 2001, s.216.
- 15 Sönmez M. 100 Soruda 1980'lerden 1990'lara «Dışa açılan» Türkiye Kapitalizmi. İstanbul, 1992, s.117.
- 16 Там же, с. 117–118.
- 17 Еще в декабре 1983 г. Казначейство было выведено из-под контроля Министерства финансов и передано в ведение аппарата премьер-министра.
- 18 Sönmez M. 100 Soruda 1980'lerden..., s.116.
- 19 Подсчитано по: SPO. Economic and Social Indicators, Table 5.23 — <http://www.dpt.gov.tr/dptweb/esg/esg-1.html>
- 20 Sönmez M. 100 Soruda 1980'lerden..., s.118.
- 21 Подсчитано по: SPO. Economic and Social Indicators, Table 5.21–5.23 — <http://www.dpt.gov.tr/dptweb/esg/esg-1.html>
- 22 См. Karluk R. Türkiye ekonomisi. Tarihsel Gelişim ve Sosyal Değişim. İstanbul 1999, s. 334.

- 23 Cevizoğlu H. Özelleştirme. İstanbul, 1998, s. 75.
- 24 См.: Karluk R. Türkiye ekonomisi..., s. 334.
- 25 Shaker S. State, Society, and Privatization in Turkey (1979-1990). Wash., 1995, p. 54.
- 26 См., например, Karluk R. Türkiye ekonomisi..., с. 335; H. Cevizoğlu. Özelleştirme. İstanbul, 1998, s. 76.
- 27 Privatization in Turkey. The law and implementation. İstanbul, 1995, s. 34–35.
- 28 İstanbul Sanayi Odası Dergisi. Şubat, 1997, s. 6.
- 29 Управление, принимавшее решение о приватизации, под руководством которого функционировал Фонд общественного акционирования.
- 30 Shaker S. State, Society and Privatization in Turkey (1979–1990), p. 54–55.
- 31 Ertuna Ö. Constraints of Privatization in Turkey. — Partners for Development. New roles for Government and private Sector in the Middle East and North Africa. Wash., 1999, p.121.
- 32 Economic dialogue. Turkey. September 1993, p. 41.
- 33 Там же, с. 456.
- 34 Buğra A. Kapitalizm, Yoksulluk ve Türkiye’de Sosyal Politika. İstanbul, 2008, s. 200.
- 35 Boratav K. Türkiye İktisat Tarihi (1908–2002). Gözden geçirilmiş ve genişletilmiş 7. Baskı. Ankara, 2003, s.152.
- 36 Boratav K. Türkiye İktisat Tarihi, s. 153.
- 37 Akar R. Turgut Özal. Özal’a 488 Yıl Geriden Bakmak, s. 217.
- 38 Уразова Е.И. Экономика Турции: от этатизма к рынку (внутренние и внешние источники экономического роста). М., 1993, с. 239.
- 39 Parasız I. Kriz ekonomisi. Hiperenflasyon ve Yüksek Enflasyonla Mucadelede Ünlü İstikrar Politikaları ve 5 Nisan Kararları. Bursa, 1996, s. 229.

- 40 Подсчитано по: Economic report 1990. Ankara, 1990, s. 265; Economic report 1994. Ankara, 1995, p. 57; Economic report 1997. Ankara, 1998, p.73.
- 41 Уразова Е.И. Экономика Турции: от этатизма к рынку., с. 130.
- 42 См., например: Onis Z., Ozmuçur S. Capital flows and external financing of Turkey' s imports. Paris, 1991, p. 26.
- 43 Уразова Е.И. Экономика Турции: от этатизма к рынку., с. 233–234.
- 44 Onis Z., Ozmuçur S. Capital flows and external financing of Turkey' s imports, p. 29.
- 45 Подсчитано по: Türkiye İstatistik yılığı 1995. Ankara, 1996, s. 668.
- 46 Рассчитано по: Ульченко Н.Ю. Экономика Турции в условиях либерализации. М., 2002, с. 225.
- 47 Kavrarođlu İ. Dengeli Gelişme İçin Ekonomi Politikaları. İstanbul, 1997, s. 36.
- 48 Уразова Е.И. Сохранение остроты валютно-финансовых проблем: бюджетный дефицит, инфляция, рост государственного долга. — Турция: новые тенденции экономического развития в 80-е годы. М., 1991, с. 191.
- 49 Там же.
- 50 SPO. Economic and Social Indicators, Table 2.6 — <http://www.dpt.gov.tr/dptweb/esg/esg-l.html>
- 51 SPO. Economic and Social Indicators, Table 5.2 — <http://www.dpt.gov.tr/dptweb/esg/esg-l.html>
- 52 Подсчитано по: SPO. Economic and Social Indicators, Table 5.2 — <http://www.dpt.gov.tr/dptweb/esg/esg-l.html>
- 53 SPO. Economic and Social Indicators, Table 5.2; Table 5.6 — <http://www.dpt.gov.tr/dptweb/esg/esg-l.html>
- 54 Kavrarođlu İ. Dengeli Gelişme İçin Ekonomi Politikaları, s. 39.
- 55 Подсчитано на основании значения дефлятора ВВП. См.: Р.Т.

- Prime Ministry Undersecretariat of Treasury. Selected Economic Indicators. Ankara, 1998, Table 1.
- 56 The Oxford Business Group. Emerging Turkey 1999. Istanbul, 1999, p. 67.
- 57 Подсчитано по: SPO. Economic and Social Indicators, Table 1.1; Hazine İstatistikleri (1980-2003). Table 3.4A — <http://www.hazine.gov.tr/yayin/hazineistatistikleri/index.htm>
- 58 Подсчитано по: Türkiye İstatistik yılığı 2000. Ankara, 2001, s.190.
- 59 Ульченко Н.Ю. Экономика Турции в условиях либерализации, с. 7–8.
- 60 Там же, с.204.
- 61 Öniş Z. The political economy of export-oriented industrialization in Turkey. — Turkey: political, social and economic challenges in the 1990s. Leiden, 1995, p. 17–118.
- 62 Там же, с. 122.
- 63 Штайнбах У. История Турции. М., 2006, с.230.
- 64 Akar R. Turgut Özal. Özal’a 488 Yıl Geriden Bakmak, s. 207.
- 65 Здесь и далее цитируется по: Cumhurbaşkanını Turgut Özalın III. İzmir İktisat kongresindeki konuşmaları. — Т. Özal. Değişim «Belgeleri», s. 145–163.
- 66 Akar R. Turgut Özal. Özal’a 488 Yıl Geriden Bakmak, s. 214.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Д. Кныш

БАХА АД-ДИН НАКШБАНД И НАКШБАНДИЯ

Имя эпонима братства *накшбандийа*, Баха ад-дина Мухаммада б. Мухаммада Накшбанда (718–791/1318–1389)*, происходит от названия ремесла вышивальщиков: согласно источникам, он помогал своему отцу изготавливать вышитые бухарские плащи (*кимха*). Согласно другому преданию, его имя происходит от установленной им практики непрерывного «молчаливого», или «тихого», поминания имени Бога (*зикр*), в результате чего последнее навеки «отпечатывалось» в сердце суфийского подвижника. Жители Бухары, святым покровителем которой считается Баха ад-дин Накшбанд, его иногда именуют *хаджа-йи бала-гардан* («Избавитель от напастей»). Это прозвище Баха ад-дин получил из-за того, что еще в его бытность суфийским «послушником» ему будто бы был ниспослан дар предотвращать всяческие напасти и несчастья. В других областях мусульманского мира, особенно в Турции, его называют Шах-и Накшбанд.

Баха ад-дина Накшбанда считают потомком шестого шиитского *имама* Джафара ас-Садика. Имя этого *имама* действительно неизменно фигурирует в его духовной

* Даты даются по мусульманскому и христианскому летоисчислению.

родословной (*силсила*), однако источники, написанные при его жизни и вскоре после его кончины, не упоминают о его родстве с Пророком. В этих ранних источниках основной акцент сделан на то, что Баха ад-дин являлся седьмым звеном в цепи среднеазиатских суфийских авторитетов (*хваджаган*), первым из которых был знаменитый «святой» Абу Иусуф Али [ал-]Хамадани (ум. в 534/1140 г. в Мерве).

Баха ад-дин Накшбанд родился в месяце *мухаррам* 718 г. (март 1318 г.) в местечке Каср-и Хиндуван («Замок индусов») близ Бухары. Позднее оно было переименовано в его честь в «Каср-и арифан», т. е. «Замок “гностикиков”». Вскоре после рождения Накшбанда потомок Абу Иусуфа Али Хамадани в пятом поколении, Хваджа Мухаммад Саммаси, сделал Баха ад-дина Накшбанда своим приемным сыном (*фарзанд*). Саммаси поручил обучение мальчика своему ближайшему ученику (*мурид*) Хвадже Амиру Кулалу, который был духовным наставником Тимура и пользовался полным доверием последнего. В накшбандийских преданиях Амир Кулал изображается непосредственным предшественником Баха ад-дина в «цепи» духовной родословной (*силсила*) братства, так как именно он преподал Баха ад-дину основы мистического пути, в частности «правила» общежития внутри братства (*нисбат-и сукбат*), правила поведения «в миру» (*талйм-и адаб-и тарикат*) и формулы *зикра* (*талкин-и зикр*).

Как и подобает основателю нового братства, Баха ад-дин стремился поддерживать отношения со многими духовными наставниками. На ранней стадии его ученичества у Амира Кулала Баха ад-дину было видение шестерых членов его духовной родословной, начиная с преемника [ал-]Хамадани, Хваджи Абд ал-Халика Гиджувани (ум. в 617/1220 г.). Это видение стало его «вторым посвящением», поскольку Гиджувани предписал Баха ад-дину совершать «тихий» *зикр*, в противоположность «громкому» *зикру*, которого придерживался его первый наставник Амир Кулал и его последователи. С того момента Баха ад-дин стал претворять в жизнь это

повеление, что, впрочем, не помешало ему оставаться учеником Амира Кулала пока тот не объявил, что его духовное наставничество подошло к концу и Баха ад-дин может искать других наставников, «из числа тюрков или таджиков».

Различие между «таджиками» и «тюрками» в Маварааннахре в VIII/XIV в. проходило по лингвистическому принципу. Большинство *хваджаган* были персоязычными в противоположность йасавийскому братству, которое было распространено в основном среди тюркского населения. Последнее было основано великим тюркским «святым» по имени Ахмад Йасави (ум. в 562/1167 г.), который был одним из учеников Хамадани. Можно предположить, что Баха ад-дин какое-то время обучался под руководством йасавийских наставников, которые были известны среди своих современников как «*шайхи* тюрков» (*машаих-и турк*). Как бы то ни было, братство *накшбандийа* впоследствии приобрело особую популярность среди тюркских народов.

Баха ад-дин провел некоторое время в обществе таджикского *шайха* Мауланы Арифа Дикгарани, который обучал его таинствам «тихого» *зикра*. Следующие два или три месяца он общался с йасавийским наставником Кусам Шайхом из города Нахшаб (Иран). После этого он целых двенадцать лет обучался у некоего йасавийского «*шайха*» по имени Халил Ата.

Несмотря на анахронизмы, с которыми мы сталкиваемся в источниках (таких, например, как агиографические сочинения, хроники Тимуридов и заметки магрибинского путешественника Ибн Баттуты), можно утверждать, что этот «Халил Ата» на самом деле был не кем иным, как Калан/Газан Ханом — правителем Чагатайского ханства. В отношениях Баха ад-дина с Халил Атой некоторые исследователи склонны видеть источник стремления поздних накшбандийских *шайхов* к установлению тесных связей со светскими правителями. Однако это мнение пока не находит подтверждения в известных нам источниках.

После свержения Халил Аты в результате дворцового переворота Баха ад-дин удалился в родное селение, где начал готовить собственных учеников, большинство из которых происходило из Бухары и ее окрестностей. Свой родной край Баха ад-дин покидал лишь три раза: дважды для совершения *хаджа* и один раз для посещения г. Герата, чтобы встретиться там с правителем Муизз ад-дином Хусайном, который проявил интерес к его суфийскому учению.

Баха ад-дин Накшбанд умер в 791/1389 г. и был похоронен в своем родном селении Каср-и арифан. Его могила, окруженная многочисленными сопутствующими строениями, стала местом паломничества мусульман со всего азиатского континента, а также местом, где жители Бухары справляют ежегодное весеннее «празднество красной розы» (*ид гул-и сурх*).

Наиболее известными преемниками Баха ад-дина были Хваджа Ала ад-дин Аттар (ум. в 802/1393 г.), который удостоился чести стать его зятем, Хваджа Мухаммад Парса (ум. в 822/1419 г.), автор многочисленных сочинений, которого по праву считают создателем литературного наследия накшбандийского братства, и Маулана Йакуб Чархи (ум. в 851/1447 г.), который происходил из окрестностей г. Газни. Хотя Хваджу Ала ад-дин Аттара обычно признают самым выдающимся из них, с точки зрения последующей истории братства наибольшую роль сыграл Маулана Йакуб Чархи — наставник Хваджи Убайд Аллаха Ахрара (ум. в 896/1490 г.). Под руководством последнего *накшбандийа* заняла главенствующее положение среди суфийских общин Средней Азии и распространила свое влияние по всему мусульманскому миру.

Сам Баха ад-дин не оставил после себя каких-либо сочинений (за возможным исключением молитвы, названной в его честь — *Аурад-и бахаййа*). Более того, он, похоже, противился тому, чтобы его последователи записывали за ним его высказывания и поучения. Восстановить в точности основные идеи учения Баха ад-дина достаточно сложно не столько из-за густого тумана агиографических легенд вокруг его личности,

сколько из-за скудости доступных нам источников. Труднее всего понять, почему именно Баха ад-дин оказался эпонимом братства и центральным звеном в цепи его духовной преемственности (*силсила*). Более логично было бы видеть на этом месте, к примеру, Гиджувани, чьи заветы стали идейной основой братства. Неотъемлемой частью накшбандийского учения вплоть до наших дней остаются восемь принципов духовного поведения (*калимат-и кудсййа*), которые впервые провозгласил именно Гиджувани, а не Баха ад-дин. То, что последний добавил к ним три новых принципа, еще больше подчеркивает приоритет его предшественника. Тремя принципами Баха ад-дина были следующие: *вукуф-и замани* («осознание времени»), т. е. постоянное самонаблюдение и самоанализ во время *зикра*; *вукуф-и адади* («осознание числа»), т. е. подсчет количества формул *зикра* с тем, чтобы предотвратить появление каких-либо отвлекающих от Бога мыслей и побуждений; и *вукуф-и калби* («осознание сердца») — сосредоточение внимания на физическом сердце с тем, чтобы заставить его участвовать в отправлении *зикра*. Как мы видим, все три принципа непосредственно связаны с практикой *зикра*. Учитывая то, что Баха ад-дин отличался от других учеников Амира Кулала именно приверженностью к «тихому» *зикру*, можно предположить, что именно это упражнение в конечном счете послужило идейной и практической основой накшбандийского братства.

Другой особенностью ранней ритуальной практики *накшбандийи* является поддержание ее приверженцами «трезвого» духовного состояния и сокрытие своего благочестия от окружающих. Отсюда — предпочтение «тихого» *зикра* «громкому» (хотя и не сразу и не повсеместно). Сюда же следует отнести негативное отношение *накшбандийи* к музыке и танцам во время радений (*сама*), сдержанное отношение к чудесам «друзей Божьих» (*карамат*), фактически полный отказ от практики уединения от общества, поощрение дружбы между членами накшбандийской общины (*сухбат*), а также отказ от особого одеяния для последователей братства. Как и в случае

с шазилийским братством, все эти черты чем-то напоминают маламатийское движение в Нишапуре, так что в определенном смысле Баха ад-дина Накшбанда вполне можно считать продолжателем маламатийских традиций.

Другие особенности накшбандийского кредо, такие как строгое следование *шариату* в повседневной жизни, а также враждебность по отношению к шиитскому исламу, вероятно, появились в более поздний период. Во всяком случае, найти их истоки в учении Баха ад-дина Накшбанда пока не представляется возможным. Критическое отношение к Ибн [ал-]Араби некоторых накшбандийских суфиев муджаддидийского направления также нельзя автоматически возводить к Баха ад-дину и его непосредственному окружению. Если судить по имеющимся у нас изречениям самого Баха ад-дина, то он, скорее всего, не был знаком с учением Ибн [ал-]Араби, тогда как Аттар и Парса были восторженными последователями идей «Величайшего учителя».

Накшбандийа в Турции

Проповеди накшбандийского учения среди западных тюрок начались в IX/XV в., т. е. меньше чем через столетие после смерти эпонима братства. Это был очень важный шаг в деле распространения *накшбандийи* за пределами Маварааннахра. Благодаря своей приверженности суннитскому исламу и строгому следованию предписаниям *шариата*, братство сумело быстро завоевать себе многочисленных сторонников среди тюркского населения Османской империи.

Первым проповедником суфийского метода, при-сущего *накшбандийи*, стал Мулла Абд Аллах Илахи из Симава, который обучался под руководством Хваджи Убайд Аллаха Ахрара в Самарканде. По окончании своего обучения Мулла Абд Аллах Илахи вернулся в свой родной город, в котором прожил много лет, прежде чем принять приглашение перебраться в Стамбул. Здесь в мечети Зейрек он

основал первую в Анатолии накшбандийскую обитель и привлек к себе многочисленных приверженцев. Тем не менее по складу характера Мулла Абд Аллах Илахи по-прежнему предпочитал жить в уединении, посвящая себя занятиям религиозными науками. Поэтому он в конечном итоге решил покинуть Стамбул, чтобы поселиться во Фракии, где и скончался в 895/1490 г. Преемником Илахи стал Амир Ахмад Бухари (ум. в 922/1516 г.), который неотступно следовал за ним еще со времени его обучения в Самарканде. Благодаря усилиям Бухари в Стамбуле были основаны три накшбандийских обители и ряды братства пополнились множеством ученых и литераторов, самым известным из которых был поэт Махмуд Ламии Челеби (ум. в 933/1532 г.) из Бурсы. Основанные Бухари обители просуществовали вплоть до начала XX в., однако восходящая к нему цепь духовной преемственности прервалась уже через несколько поколений.

Другой *мурид* Ахрара, Баба Хайдар Самарканди (ум. в 957/1550 г.), сумел снискать симпатии *султана* Сулаймана Кануни, который построил для него *текке* в Эййубе. Вплоть до 1912 г., когда эта обитель была уничтожена пожаром, она служила странноприимным домом для накшбандийских суфиев, прибывающих в столицу из Средней Азии. На протяжении нескольких столетий суфии-накшбандийцы продолжали мигрировать из Средней Азии в Стамбул и другие города Анатолии. Следы этой миграции сохранились в названиях многих *текке**: «Бухара», «Кашгар», «Озбеклер» («узбекская») и т. д. Среди переселенцев были многие знаменитые мистики, такие как Хазини, который был «старцем» одновременно трех братств: накшбандийского, йасавийского и кубравийского. Он прибыл в Стамбул из Бухары во время правления *султана* Мурада III. Другим известным суфием был Абд Аллах Нидаи, переселившийся в османскую столицу в XI/XVIII в. из Кашгара и основавший *текке* в районе Эййуба.

* Текке — обитель.

В целом накшбандийское братство в Анатолии претерпело изменения, идентичные тем, что произошли с ним в Индии, которая стала основным духовным и интеллектуальным центром братства со времен Шайха Ахмада Сирхинди (ум. в 1034/1624 г.), прозванного «Обновителем [ислама]» (*муджаддид*). Учение возводимого к Сирхинди муджаддидийского ответвления братства в Турцию принес *шайх* Мухаммад Мурад Бухари (ум. в 1141/1729 г.). Он был *муридом* Хваджи Мухаммада Мурада Масума, сына и основного преемника Сирхинди. В самом конце XI/XVII в. Мухаммад Мурад провел в османской столице около пяти лет. За это время его сторонниками стало множество *улама*, в числе которых был и *шайх ал-ислам* Османской империи Файд Аллах Эфенди. Следующие тридцать лет Мухаммад Мурад провел в Дамаске, но в 1141/1729 г., незадолго до смерти, он возвратился в Стамбул. *Текке*, основанное у его гробницы в квартале Нишанджы-Паша, стало главным центром *муджаддидийи* не только в Стамбуле, но и по всей Анатолии и Балканскому полуострову.

Учение муджаддидийского братства проникало в Турцию также через Мекку, которая вплоть до конца XIX в. оставалась важным центром пропаганды идей и практики *накибандийи* среди паломников, прибывавших в «святой город» как из Турции, так и из других областей мусульманского мира. Мекканским «наместником» Хваджи Мухаммада Масума был *шайх* Ахмад Джурйани Йакдаст, который посвятил в муджаддидийское братство *шайха* Мухаммада Амина из Токата (ум. в 1158/1745 г.). Вернувшись в 1129/1717 г. в Стамбул, Мухаммад Амин поселился в одной из основанных Амиром Ахмадом Бухари обителей и стал проповедовать учение братства среди османской элиты. Из *муридов* Шайха Мухаммада Амина особенно стоит отметить ученого-энциклопедиста Сулаймана Сад ад-дина Мустахим-заде (ум. в 1202/1787 г.), который перевел послания Сирхинди и Хваджи Мухаммада Масума на османо-турецкий язык. Послания Сирхинди вплоть

до настоящего времени сохраняют свою популярность среди членов накшбандийского братства в Турции. Несколько ранних турецких муджаддидийских суфиев были одновременно членами знаменитого маулавийского братства «вертящихся дервишей». Среди них мы находим Пертев Пашу и Халета Эфенди, которые пользовались значительным политическим влиянием во время правления *султана* Махмуда II.

Новая эпоха в истории турецкой *накшбандийи* началась с появлением на исторической сцене халидийского ответвления братства в первой четверти XIX в. До этого накшбандийское братство в Турции пользовалось определенной популярностью, особенно в Стамбуле, однако такого исключительного положения, как в Средней Азии, где накшбандийцы утвердились в качестве основной суфийской общины, оно не достигло. За относительно короткое время халидийские суфии сумели превратить *накшбандийу* в самое влиятельное братство османской Турции, причем свое доминирующее влияние оно сохранило даже после официального упразднения всех братств на территории Турции при Ататюрке.

Курд из Шахразура, который впоследствии стал известен как Маулана Халид Багдади (ум. в 1242/1827 г.), вступил в накшбандийское братство во время своего пребывания в Дели. Его наставником был *шайх* Гулам Али Дихлави (ум. в 1240/1824 г.), духовный преемник основателя муджаддидийской линии Ахмада Сирхинди. Хотя Маулана Халид был враждебно настроен по отношению к светским правителям Курдистана, которые стремились к независимости от османского правления, появление основанной им *халидийи* в османской столице было поначалу воспринято с подозрением. К тому же первый «представитель» Мауланы Халида в Стамбуле Мухаммад Салих еще более усугубил положение своим приказом не допускать непосвященных в братство мусульман в мечети, где собирались халидийские суфии. Его преемник Абд ал-Ваххаб ас-Суси проводил более открытую и терпимую политику и сумел заручиться поддержкой османской элиты.

Подобно другим ключевым фигурам *халидийи*, он посвятил в братство многих *улама*, чиновников и литераторов. Среди них были такие уважаемые люди, как Мекки-заде Мустафа Асим, который несколько раз занимал пост *шайх ал-ислама* Османской империи, Гурджу Неджиб Паша, Муса Сафвети Паша и верховный *кади* Стамбула Кечеджи-заде Иззет Молла. Маулавийский суфий Халет Эфенди, который был вхож к *султану* Махмуду II, предостерег его, что столь быстрое распространение *халидийи* может стать угрозой его правлению. Под его влиянием Махмуд II в 1828 г. приказал изгнать из столицы практически всех видных представителей халидийского братства. Этот период опалы был, однако, кратковременным, и уже в 1833 г. халидийский ученый Мекки-заде вновь был назначен на пост *шайх ал-ислама*.

Маулана Халид и его последователи стремились укрепить среди подданных Османской империи приверженность к нормам *шариата*, в котором они видели источник силы и сплоченности всех мусульман перед лицом внутренней и внешней угрозы. Несмотря на их лояльность по отношению к правящему режиму, даже в период правления такого «набожного» и просуфийски настроенного *султана*, как Абд ал-Хамид II, представители других братств имели больше влияния на него, нежели накшбандийские *шайхи*. Вместе с тем халидийское ответвление *накшбандийи* добилось популярности среди простых верующих и прочно укрепилось в Анатолии. Халидийским суфиям удалось добиться главенства даже в Конье — традиционном духовном центре братства «вертящихся дервишей». К концу XIX в. халидийских обитателей (*текке*) в Стамбуле было больше, нежели у любого другого братства.

Среди накшбандийских лидеров второй половины XIX в. особенно стоит упомянуть Шайха Дийа ад-дина Гююшханеви (ум. в 1312/1894 г.). Он имел множество последователей из разных социальных слоев уже при жизни, и восходящая к нему цепь духовной преемственности не прервалась

и по сей день. Его *текке* в стамбульском квартале Чагалоглу было, вероятно, наиболее популярной и посещаемой из всех суфийских обителей столицы. Здесь собирались не только представители османской элиты, но и многочисленные посетители из других регионов мусульманского мира. Дийа ад-дин Гюмюшханеви написал много сочинений на арабском и турецком языках. Его сборник *хадисов Румуз ая-ахадис* положил начало традиции передачи и изучения *хадисов* членами братства, которая до сих пор поддерживается его духовными преемниками в Турции.

Дийа ад-дин Гюмюшханеви отличился также тем, что сражался вместе со своими последователями в русско-турецкой войне 1877 г. Его примеру последовали несколько других накшбандийских *шайхов*, которые приняли участие в сражениях на различных фронтах Первой мировой войны, а также в период Турецкой войны за независимость. Тем не менее с утверждением республиканского режима в Турции накшбандийские суфии были лишены всех прав согласно специальному правительственному указу от сентября 1925 г. Непосредственным поводом для запрета деятельности суфийских братств послужило произошедшее в том году восстание, которое возглавил Шайх Саид из Палу, один из лидеров *халидийи* в Восточной Анатолии. Следует подчеркнуть, что это восстание отражало скорее недовольства и чаяния курдского населения этого региона, нежели приверженность восставших политическим и духовным идеалам халидийского братства. В качестве примера вооруженной оппозиции *накибандийи* правящему республиканскому режиму также часто упоминают *шайха* Мухаммеда Асада (Мехмед Эсад, ум. в 1931 г.), который был потомком и духовным преемником Мауланы Халида. В 1888 г. он прибыл в османскую столицу из Ирбила и поселился в *текке* Келами. Однако через некоторое время султан Абд ал-Хамид II выслал «подозрительного» *шайха* в его родной город. В 1908 г. он вернулся и стал одним из ведущих суфийских *шайхов* османской столицы. В 1931 г.

Мухаммад Асад был арестован по обвинению в связях с организаторами «дервишеского восстания» против республиканских властей в городке Менемен близ Измира. Несмотря на то, что доказательства его причастности к этому событию были крайне зыбки, его сын был казнен, а сам он умер в тюремном госпитале.

В Турции до самого недавнего времени можно было найти духовных преемников Мехмеда Эсада и других халидийских *шайхов*, таких, например, как Сами Рамадан-оглу (ум. в 1404/1984 г.) и Мехмед Захид Котку (ум. в 1401/1980 г.). Несмотря на то, что накшбандийские суфии были объектом преследования со стороны республиканских властей в течение нескольких десятилетий, конкретных доказательств их склонности к «подрывной» политической деятельности практически не существует. Некоторые члены братства, напротив, продемонстрировали свое желание интегрироваться в политическую жизнь Турции, вступив в такие организации, как Партия национального спасения (Milli Selamet Partisi), а также ее политическая преемница — Партия благоденствия (Refah Partisi). Нынешнее значение *накибандийи* в Турции заключается не столько в политической деятельности, сколько в поддержке традиционной религиозности, которая была значительно ослаблена проводившейся более полувека антисуфийской и антиисламской политикой республиканского правительства страны.

(Мусульманский мистицизм. М.—СПб., 2004, с. 253–268).

SUMMARY

From this book, the reader will learn about the main accomplishments of the life and work of Turgut Ozal. A new era of Turkish political and social-economic development is closely connected with his name. Some researchers see him as Turkey's second most important state leader after Ataturk. Ozal came from the family of a petty provincial clerk. Possessing charisma, the art of political intrigue, an analytical mind, broad views, and a sense of timing, Ozal led Turkey out of a deep economic crisis as prime-minister and later as president of the country. Ozal pursued a multi-directional foreign policy: not only did he continue to maintain traditional connections with Western countries, but he also worked on trade and economic relations with Muslim countries of the Near East, allowing their financial capital to flow into Turkey. One can easily see that liberalizing the economy and granting religious freedom became the basis of Ozal's reforms. A supporter of «turk-islamic synthesis» (developing a society based on Islamic values), Ozal regarded freedom of religion as a foundation of democratic rule, along with freedom of enterprise as a necessary condition for developing a liberal economy. His reforms were risky and not always popular. Populist expectations formed during previous decades among the Turkish electorate were a serious obstacle for the reforms' success. Ozal's strategy was to strike a balance between necessary economic changes while protecting his popularity. As a result, he managed to come out with achievements that single him out among other Turkish politicians: he escaped the populist trap; he drastically altered the functioning mode of the Turkish economy, allowing it to participate and compete in the international community; along with that, he managed to stay in the power. Despite the fact that there were some complex issues with the implementation of his reforms, they have proved to be socially beneficial in many aspects.

Научное издание

ВОСТОК: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Утургаури Светлана Николаевна,
Ульченко Наталия Юрьевна

**ТУРГУТ ОЗАЛ — ПРЕМЬЕР
И ПРЕЗИДЕНТ ТУРЦИИ**

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской академии наук

Редактор *М. С. Баландина*
Корректор *Л. В. Хохлова*
Верстка *А. В. Ельцевой*
Эмблема серии — *Н.Р. Котова*

ИД №04697 от 28.04.2001. Подписано в печать 25.08.09.
Формат 60х90 /16. Усл. п.л. 8,25. Уч.-изд. л. 5. Тираж 500 экз.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев